

А. И. КУЗНЕЦОВА

ПОНЯТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И МЕТОДЫ
ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ДАННОЙ ПРОБЛЕМЫ
В СОВРЕМЕННОМ ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1963

ВВЕДЕНИЕ

Понятие системы языка, подход к изучению явлений как элементов сложной структуры вырабатывается в современном языкознании уже в начале XX в. Под системой обычно понимают взаимосвязь и взаимодействие между рядом явлений одного порядка (иногда термин «система» употребляется в смысле связанное целое, образованное взаимоподчинением и согласованностью составляющих его элементов).

Осмысление языка как системы мы находим у Ф. де Соссюра, который разработал, в частности, учение о языке как системе знаков, обладающих значимостью лишь в своих противопоставлениях (правда, отдельные попытки системного рассмотрения языка наблюдались и раньше¹). По словам Соссюра, которые приводит Р. Гodel в своем исследовании о «Курсе общей лингвистики», «язык — это точная система, и его теория должна быть системой столь же точной, как язык»².

¹ Например, в области семантики — работы М. М. Покровского, Р. Мейера, Г. Шпербера и др. См. ниже, стр. 7—10.

² R. Godel. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. Genève — Paris, 1957, p. 29. Обычно считают, что Соссюр представлял себе язык метафизически как систему чистых отношений, не обремененных никакими материальными формами. Однако работа Гodelя показала, что Соссюр включал в состав системы языка «единицы, модели их возможных комбинаций не в абстрактной форме категорий и схем, а в конкретной форме примеров и ассоциативных рядов» (см. R. Godel. Op. cit., p. 179), т. е. Соссюр, видимо, иначе понимал сущность системного характера языка, чем многие его последователи (например, глоссематики).

Система языка не есть система вообще. Данное понятие требует уточнения и расчленения в зависимости от того, к каким аспектам языка или разным языкам оно применимо.

Системный характер языка выявляется в различных его частях: в фонетике, грамматическом (морфологическом и синтаксическом) строе, в словообразовании, в лексическом составе и т. д., — т. е. существуют системы фонологическая, грамматическая, семантическая и пр. Например, системный характер фонем обнаруживается как в том, что отношения между фонемами остаются постоянными, как бы ни варьировались оттенки фонем, так и в том, что они объединяются в группы, находящиеся в определенных отношениях между собой; в грамматике для определения системы устанавливается иерархия грамматических форм³ и т. д.

Однако несмотря на то что было предпринято множество попыток сформулировать понятие языка как целостной системы, в настоящее время можно говорить лишь о сложившихся понятиях фонологической и морфологической систем, о существовании структурной фонологии и морфологии. В области структурного анализа синтаксических явлений положение дел почти столь же неудовлетворительно, как и в области семантики и лексики.

Совокупность всех частных систем (фонематической, грамматической, лексической и др.), где каждая единица связана определенными, обязательными отношениями с другими элементами этой же системы, образует систему систем языка, иначе его структуру⁴.

³ В одной из своих последних статей («Несколько замечаний о понятии отношения в грамматике». Сб. «Вопросы грамматики». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 266—270) Р. А. Будагов обращает внимание на недостаточность для установления языковой системы определения одних лишь взаимоотношений между различными формами. Автор доказывает необходимость учета значений, без которых невозможно в языке и само отношение.

⁴ Обычно термины «система» и «структура» употребляются без учета указанных различий как синонимы, подменяя друг друга; порой понятие «система» трактуется как «горизонтальный срез по ярусу, где «факты» берутся не изолированно, а лишь во взаимосвязи...», а понятие «структура» расценивается как «результат вертикального анализа языка от периферии вглубь», как «та «ось», на которой «крепятся» различные ее ярусы, образуя единство разнородных элементов в целом» (А. А. Ре-

Для анализа языковой системы не подходят атомистические методы исследования. В этом случае следует применять методы, основанные на необходимости изучать любой факт языка в его отношениях с другими элементами системы. Методика описания одних языковых систем (фонология, морфология) разработана уже в достаточной степени полно, методика обработки других систем (семантика, лексика), наоборот, освоена очень слабо.

В частности, методы анализа структурной семантики, как и само это понятие, еще не оформились окончательно.

Попытки, являющиеся проявлением общей тенденции современного языкознания, установить семантическую систему языка, которая в свою очередь обнимает множество более мелких систем, связанных друг с другом как непосредственно, так и опосредствованно, до сих пор остаются малоуспешными в силу объективной сложности изучаемого явления. Вместе с тем каждая из них приносит определенную пользу, дает нечто новое в разработке проблемы семантической системы. Именно поэтому ознакомление с работами в этой области с методами исследования частных лексико-семантических систем различных языков и разных исторических периодов представляет известный интерес.

В данной работе предлагается обзор некоторых теорий, в которых делается попытка системного анализа лексики и семантики на материале того или иного языка в той или иной стране. Причем автор преимущественно ограничивается рас-

форматский. Что такое структурализм? «Вопросы языкознания», 1957, № 6, стр. 28—29); иногда термин «структура» оказывается тождественным слову «форма», как, например, у глоссематиков. Так, Л. Ельмслев в статье «Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?» пишет: «Термин «структура» обозначает (далее приводится цитата из А. Лаланда) не простой набор элементов, а целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является только благодаря отношениям с другими элементами». Такое понимание, добавляет Ельмслев, лежит в основе так называемой «теории форм». Форма же соответствует (снова цитата из Лаланда, с которым Ельмслев полностью согласен) «образцу системы, из которой нельзя изъять и к которой нельзя прибавить ни одной части так, чтобы не изменить других частей и не вызвать общей перегруппировки» (сб. «Новое в лингвистике», вып. 2. ИЛ, М., 1962, стр. 122, 123).

смотрением работ сторонников так называемой теории поля.

Философские основы большинства рассматриваемых теорий являются идеалистическими; они неоднократно подвергались критике в советском языкознании, в связи с чем в настоящей работе подробный анализ философских основ опускается. Особый упор делается на раскрытие методики обработки семасиологического материала, ибо в методах исследования проявляется общая тенденция современного языкознания — подход к семасиологическим явлениям как к системе (хотя и представляемой каждым автором-семасиологом по-своему).

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ СИСТЕМНОГО РАССМОТРЕНИЯ СЕМАНТИКИ

В России разработка проблемы семантической системы связывается прежде всего с именем М. М. Покровского⁵.

М. М. Покровский неоднократно подчеркивал необходимость изучать семантическую судьбу не отдельного слова, а ряды слов, связанные семантически друг с другом, систему в целом. «...история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, — говорит он, — когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений»⁶. Покровский проводит параллельное рассмотрение группы слов со сходными значениями и делает вывод, что «семасиологический процесс распространяется на целые категории слов». По мнению Покровского, «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Понятно уже а priori, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое»⁷.

Изучение слов как членов определенной системы позволяет выявить закономерности в семантическом развитии слов: «...семасиологические явления, — по утверждению автора, —

⁵ Акад. В. В. Виноградов, отмечая приоритет русской лингвистической науки в установлении закономерных семантических связей, существующих в системе языка, говорит также о А. А. Потемне (см. статью В. В. Виноградова «Из истории лексикологии». «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1956, № 10, стр. 3—9).

⁶ М. М. Покровский. Семасиологические исследования в области древних языков. В кн.: М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. Изд-во АН СССР, М., 1959, стр. 75.

⁷ Там же, стр. 82.

не отличаются большим произволом, но, ...наоборот, за ними скрываются какие-то законы...»⁸.

Мысли Покровского о системности в области лексики оказались в известной степени созвучны с мыслями некоторых западноевропейских ученых, но были высказаны значительно раньше.

На Западе оформление понятия семантической системы происходит постепенно, начиная с идей Г. Остгоффа, который в 1900 г. опубликовал свою работу «Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen». Его упоминание о том, что «существуют известные системы взаимоотношающихся (zusammengehöriger) значений, из структуры которых только и становится понятным полностью семасиологическое положение отдельных выражений»⁹, — цитируется затем Р. Мейером в работе «Система значений»¹⁰.

Опираясь на приведенное положение Остгоффа, Мейер анализирует современную ему прусскую военную терминологию. Рассматриваемые им слова, различные по происхождению и морфологической структуре, но объединенные общей идеей, представляют собой названия воинских чинов — от рядового до генерала-фельдмаршала. Их этимология не всегда проста и прозрачна и почти всегда различна (так, титул Marschall — заимствование из французского языка, а Hauptmann — исконное немецкое слово, возникшее как титул по аналогии с названием атамана разбойничьей шайки). Каждый термин, по Мейеру, производит свою ценность из собственной позиции внутри общей номенклатуры (ср., например, в русском языке: майор — из своего положения между капитаном и подполковником, капитан — из своего положения между лейтенантом и майором и т. д.).

Все эти слова, обозначающие воинские звания, образуют систему значений, под которой Мейер понимает «упорядоченность (Zusammenordnung) ограниченного числа выражений с индивидуальной точки зрения»¹¹.

Системы значений постоянно находятся в процессе становления, так как вследствие каждого изменения значений из

⁸ М. М. Покровский. Семасиологические исследования в области древних языков. В кн.: М. М. Покровский. Избранные работы по языковедению. Изд-во АН СССР, М., 1959, стр. 63.

⁹ H. Osthoff. Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen. Heidelberg, 1900. S. 5 ff.

¹⁰ R. M. Meyer. Bedeutungssysteme. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen». Göttingen, 1910. Bd 43, Hft 4, S. 356.

¹¹ R. M. Meyer. Op. cit., S. 359.

системы выпадает какое-либо звено, а его место тотчас заполняется другим. В соответствии с этими положениями задачей семасиологии, как считает автор, является, во-первых, выяснение того, какой системе значений принадлежит каждое слово и, во-вторых, каков систематизирующий (systembildende), дифференцирующий фактор этой системы. В отдельном слове нередко наблюдается сплетение нескольких дифференцирующих факторов. В результате системы значений пересекаются, а это значит, что одно слово может принадлежать к нескольким системам.

В качестве примера Мейер берет ряд глаголов движения¹² и выделяет в них дифференцирующие факторы — способ движения (fliegen, schwimmen), протяженность во времени (laufen), равномерная повторяемость (schwimmen, marschieren) или отсутствие повторяемости (gehen) и т. д. В большинстве глаголов движения сплетаются несколько факторов.

Выявление подобных факторов, по Мейеру, должно осуществляться на основе фактов самого языка, а не по логическим принципам.

Положения, высказанные Остгоффом и Мейером, долгое время оставались без дальнейшего применения.

В 1923 г. появляется труд Г. Шпербера «Введение в учение о значениях»¹³, где автор снова высказывает мысли о системности в семантике, руководствуясь указаниями И. Штоклейна об изменении значений в словах как членах словосочетаний. Шпербер приходит к мысли о существовании определенных полей значений, которые он называет консоциацией. Шпербер отмечает связи отдельных слов: «Каждое слово находится в определенной сфере и поэтому часто является в сообществе определенных других слов, принадлежащих той же сфере», — говорит Шпербер. Однако часто оказывается, что ряды вещественных отношений разрушены и непонятно, откуда произошла данная сохранившаяся связь.

Консоциация, по Шперберу, позволяет выявить сущность слова, новый смысл его. Шпербер применяет психо-аналитический подход к семантической истории и ищет ключ к изменениям значений в эмоциональном элементе, который является основным стержнем семантических изменений. Не случайно его работа, появившаяся в 1914 г., называется «Об аффекте как причине языковых изменений» («Über den Affect als Ursache der Sprachveränderung»).

¹² R. M. Meyer. Op. cit., SS. 360—362.

¹³ H. Sperber. Einführung in die Bedeutungslehre. Bonn, 1923.

Слово, наделенное в силу тех или иных обстоятельств сильным чувственным значением, получает название «носителя самого аффекта» и может притягивать к себе другие слова. Это положение автор иллюстрирует примерами из терминологии первой мировой войны (так, название пулемета *Maschinengewehr* притягивает к себе в силу сходства другие названия — *Nächmaschine*, *Stottertante*, *Kaffemühle*, расширяя свое значение). Шпербер подчеркивает, что группы слов, понятныо друг с другом связанных, расширяют свою сферу посредством метафорической экспансии. Шпербер дополняет лингвистику психологией, основывая психологические объяснения на эмоциональной ценности слов.

Своей кульминации теория Шпербера достигает в формулировке семантического закона: «Если в определенное время данный комплекс идей оказывается настолько насыщенным чувственным элементом, что это приводит к тому, что слово расширяет свою сферу и изменяет свое значение, то мы вправе ожидать, что другие слова, принадлежащие к тому же самому эмоциональному комплексу, также изменят свое значение»¹⁴.

Итак, отдельные замечания Остгоффа о «системах родственных друг другу значений», из которых вытекает понимание отдельных выражений в языке; высказывания Мейера о том, что каждое слово принадлежит к какой-либо системе значений, и его анализ слов — названий воинских рангов в немецком языке; возникшая из консоциаций теория Шпербера — все это положило начало формированию понятия системы в семасиологии.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ «ПОНЯТИЙНЫХ ПОЛЕЙ»

(И. Трир, Л. Вейсгербер и их последователи)

Дальнейшее становление понятия системы связано с возникновением так называемой теории поля. Со времени первого упоминания о «семантическом поле»¹⁵ на страницах работы Г. Ипсена в 1924 г.¹⁶ прошло почти 40 лет. В течение всего этого времени термин «поле» использовался недифференциро-

¹⁴ H. Sperber. Ein Gesetz der Bedeutungsentwicklung. «Zeitschrift für deutsches Altertum», 1922, Bd 59, S. 67.

¹⁵ Наряду с термином «семантическое поле» (Г. Ипсен, В. Порциг, А. Йоллес и др.) употребимо название «языковое, словесное, понятийное поле» (обычно Трир). Подробнее об этом см. стр. 12 настоящей работы.

¹⁶ См. G. Ipsen. Der Alte Orient und die Indogermanen. «Festschrift für W. Streitberg». Heidelberg, 1924, S. 224.

ванно и слишком широко. Он применялся к семантическим теориям, исходящим часто из прямо противоположных предпосылок (см. взгляды И. Трира, В. Порцига и др.).

Теория поля охватывает по сути дела множество точек зрения, представляющих собой весьма значительные варианты общей идеи — идеи смысловой связи слов друг с другом в языке. При знакомстве с теорией поля, которая в данной работе расценивается как одно из проявлений понятия лексико-семантической системы, исследователя поражает не только наличие различных толкований самого понятия поля, но также и разнообразие методов его анализа.

Наиболее широкую известность за рубежом получила концепция И. Трира, изложенная в его ранних работах¹⁷ и до известной степени противопоставляемая всем остальным самостоятельным теориям поля.

В чем же сущность воззрений Трира, раскрывающаяся в его теоретических работах? Каковы его исходные позиции, во многом противоположные взглядам других теоретиков поля?

Кристаллизации трировской идеи поля помогли философские взгляды Гегеля, Кассирера и Гуссерля, заложившего основы феноменологического анализа. Влияние их воззрений сказалось на основной философской идее Трира, заключающейся в том, что «каждый язык и каждая языковая ступень членит мир иначе, дает мир иначе и благодаря языковому общению мы имеем мир таким, как его дает язык»¹⁸, т. е. язык и сознание формируют бытие, а не отражают его.

Наибольшее воздействие на Трира оказали труды В. Гумбольдта и косвенно Соссюра. Так, например, начавшиеся в 20-е годы споры вокруг гумбольдтовской «внутренней формы», воспринимаемой как основное содержание языка (рабо-

¹⁷ J. Trier. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931; Die Worte des Wissens. «Mitteilungen des Universitätsbundes», Marburg, 1931, SS. 33—40; Die Idee der Klugheit in ihrer sprachlichen Entfaltung. «Zeitschrift für Deutschkunde». Leipzig—Berlin, 1932, Jg. 46, Hft 9, SS. 625—635; Sprachliche Felder. «Zeitschrift für deutsche Bildung», 1932, Bd 8, Hft 9, SS. 417—429; Das sprachliche Feld. «Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung». Leipzig—Berlin, 1934, Bd 10, SS. 428—449; Deutsche Bedeutungsforschung. «Germanische Philologie. Ergebnisse und Aufgaben. Festschrift für O. Behagel». Heidelberg, 1934, SS. 173—200.

¹⁸ J. Trier. Deutsche Bedeutungsforschung, S. 185. О философской основе учения Трира подробнее см. в статье А. А. Уфимцевой «Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка» (сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». Изд-во АН СССР, М., 1961, стр. 30—63).

ты А. Марти, В. Порцига), нашли отражение в следующем утверждении Трира: «Исследовать членение поля¹⁹ — это в определенных границах означает исследовать кусочек внутренней формы языка и тем самым обнаружить внутреннюю форму языка, в которой выражается мировоззрение языка в один определенный период»²⁰.

Подобно Гумбольдту, Трир видит в языке силу, формирующую мышление народа, выявляющую своеобразные черты его национального духа и совершенно оторванную от материального мира. Теория Трира, таким образом, неразрывно связана с идеей Гумбольдта о «внутренней форме языка», которая легла в основу целого направления в языкознании — направления неогумбольдтианцев. За идеалистический, антиисторический подход к языку Трир неоднократно подвергался суровой критике в советском языкознании (см. примечание 18), поэтому автор не считает нужным останавливаться на этом подробнее.

Предметом исследования Трира является понятийное (концептуальное) поле (сфера идей, понятий — *Begriffsfeld*, *Begriffsblock*, *Begriffskomplex*, *Sinnbezirk*), которому в языке соответствует накладывающееся на концептуальное лексическое (словесное) поле, языковое поле знаков²¹, т. е. определенная область слов: «Словесное поле приравнивается к более или менее замкнутому понятийному комплексу...»²² (т. е. концептуальному полю). При этом поля словесных знаков без пробелов (*lückenlos*) покрывают понятийные поля, т. е. автор предполагает полный параллелизм плана содержания и плана выражения.

¹⁹ Что понимает Трир под «членением» поля, см. ниже, стр. 17.

²⁰ J. Trier. *Der deutsche Wortschatz...*, S. 20. Гумбольдт ставил понятие «внутренней формы» в связь с понятием «внутренней аналогии»: «В этой стороне языка — в особенной форме составляющих его звуков, — говорит Гумбольдт, — необходимо господствует строгая аналогия, а так как вместе с тем на язык действует одна и та же, во всех одинаковая национальность, то каждый язык становится чрез это особенным мировосприятием» (см. В. Гумбольдт. *О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода*. Перевод П. Билярского. СПб., 1859, стр. 56). И далее: «Развивая из себя самого язык, он (народ) сам развивается в нем лично, и каждый язык образует вокруг народа свою сферу, которую надобно оставить, чтобы перейти в подобную сферу другого народа. Поэтому изучение чужого языка всегда должно бы быть приобретением новой точки мировосприятия...» (Там же, стр. 57).

²¹ Необходимо указать, что терминология Трира чрезвычайно туманна и запутана, что затрудняет восприятие самой теории.

²² J. Trier. *Der deutsche Wortschatz...*, S. 1.

По его словам, «поля суть языковые реальности, существующие между отдельным словом и целым словарем, которые являются частями целого и напоминают отдельные слова тем, что комбинируются в высшую единицу, а весь словарь тем, что сами разлагаются на более мелкие единицы»²³.

Словесное поле — это своего рода «словесное пальто, покрывало», подобное мозаике, подразделяющей понятийное поле. В своей теории Трир опирается на весь словарь целиком (*Wörterschatz*), разделяя его на большие словесные поля (*Wortfelder*), а те подразделяя в свою очередь дальше, пока не получатся самые мелкие сущности — отдельные слова (*Wörter*), которые являются пределом членения словесного поля, соотносимого с концептуальным полем. Отдельные слова, лежащие в словесном поле, делят понятийное поле между собой — каждому слову достается определенный кусочек понятийного поля. Трир идет от понятий к словам и исследует группу слов со стороны понятия, которое оказывается тождественным значению. Вполне очевидно, что при таком подходе Трира не интересует контекст, в котором встречаются слова и выявляются их значения, ибо он не идет от слов, а приходит к ним как к конечному результату членения поля, т. е. оперирует по сути дела понятиями (фактически Трир отождествляет слово и обозначаемое им понятие).

Гумбольдт в свое время говорил о том, что не речь собирается из отдельных существующих слов, а наоборот, слова происходят из речи как целого. То же мы видим и у Трира. Язык сравнивается у него с уже построенным зданием, с архитектурным произведением, которое в готовом виде поступает в распоряжение говорящего²⁴. Выступая против «атомизма» в семантических исследованиях, против традиционной, атомистической (изолирующей) трактовки значения, Трир, используя учение Соссюра²⁵ о «значимостях», которые определяются своими отношениями с прочими элементами системы, разрабатывает структуральное понятие поля, из которого следует, что «ничего в языке не существует самостоятельно»: «Ни одно слово не стоит отдельно в сознании говорящего и слушающего так, как это можно было бы заключить из его звучания»²⁶.

«Так как структура составляет основную сущность язы-

²³ J. Trier. *Das sprachliche Feld*, S. 429.

²⁴ J. Trier. *Sprachliche Felder*, S. 417.

²⁵ Более точно было бы сказать, что взгляды Трира, восходящие к Гумбольдту, совпали со многими положениями Соссюра.

²⁶ J. Trier. *Der deutsche Wortschatz...*, S. 1.

ка, — пишет Трир, — все лингвистические компоненты есть результат структуры. Конечное значение каждого (компонента) определяется точно и единственно из его отношения и функции во всей лингвистической структуре»²⁷.

В понимании словесного поля Трир делает акцент на взаимосвязь слов поля (и тем самым на анализ самих слов в поле), причем имеющаяся взаимосвязь слов рассматривается как связь обоюдная, двусторонняя. Все элементы поля определяют границы друг друга.

Из подобной трактовки логически вытекает, что «слова в поле находятся во взаимозависимости друг от друга. Внутри этого целостного здания и получает единичное слово свою внутреннюю понятийную определенность»²⁸.

В подтверждение своего положения о том, что «слово «значит» только внутри целого и благодаря этому целому»²⁹, Трир приводит нелингвистический широко известный пример с ученическими отметками и светофором. Из правильной мысли о наличии смысловых отношений у слов Трир делает слишком категоричное заключение. Его вывод о том, что значение каждой единицы определено ее соседями в поле, и может быть понято только благодаря им, совершенно уничтожает самостоятельность слова: «Значение единичного слова зависит от значения его понятийных соседей»³⁰. Более того, «слова бессмысленны, если противоположные им слова, принадлежащие к тому же понятийному полю, не известны слушающему»³¹.

Свои теоретические предпосылки Трир пытается проверить на практике. Следует, однако, отметить, что на практике автор игнорирует многие положения собственной теории, которая зачастую оказывается оторванной от практического материала и как бы повисает в воздухе. Естественно, что новизна теоретических взглядов потребовала от Трира и новых методов семантического анализа. В ходе работы складывается особая, трирская методика изучения и описания материала, основанная на законе лексической членимости языка.

В этом легко убедиться, обратившись к практическому исследованию, проведенному Триром в его монографии³².

Трир подверг детальному анализу поле «разум» в немец-

²⁷ J. Trier. Das sprachliche Feld, S. 430.

²⁸ J. Trier. Der deutsche Wortschatz., S. 2.

²⁹ Ibid., S. 5.

³⁰ Ibid., S. 3.

³¹ Ibid., S. 8.

³² См. примечание 17.

ком языке (под «разумом» понимаются как природные черты и особенности ума, так и приобретенные в процессе познания, в результате опыта).

Свое исследование Трир ограничивает древним периодом. Он берет 15 древневерхненемецких текстов, ряд текстов средневерхненемецкого периода и особо выделяет сочинения мыслителя Ноткера. К сожалению, отбор памятников проведен довольно поверхностно: Трир строит свои изыскания на разнодиалектных и разновременных переводах с латинских памятников. Отсюда — обилие фактологических неточностей, на которые указывали Триру его критики (например, А. Мейе, Ф. Шейдвейлер³³).

Из взятых работ Трир извлекает все именные выражения (изредка наречия), означающие «разум». Характерно, что автор использует лишь отдельные слова, но не сочетания слов и исключает из своего исследования глагольные выражения.

После анализа слов в различных текстах (сначала рассматриваются духовные, затем светские памятники и тексты рыцарского эпоса эпохи процветания) дается сравнение слов (точнее было бы сказать, кусочков концептуального поля, соответствующих отдельным словам) по авторам и различным историческим периодам. При анализе древневерхненемецких текстов Трир особое внимание уделяет исследованию словаря Ноткера, который первый начал различать ум и знание (*sapientia* — *prudencia*) как две отдельные сущности, чего до него никто не делал.

Обследование Триром древнейших памятников показало, что у разных авторов древневерхненемецкого периода одному и тому же понятию концептуального поля соответствуют часто различные слова словесного поля, и наоборот, нередко одно слово используется для разных понятий, т. е. поле «разум» у каждого из авторов выглядит иначе, имеет свое членение (слова по-своему подразделяют понятийное поле), и полного параллелизма, теоретически предполагаемого Триром, планов содержания и выражения (по терминологии автора, концептуального и словесного полей) не существует.

Например, понятие (равное у Трира значению) «*sapientia*» передается как *spahida* (Татиан, IX в.), *uuizzî*, *uuisduam* (Отфрид, IX в.), *uuistôm* (Monseer Fragmente), *firstand*

³³ «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», vol. 32, fasc. 3, 1931, pp. 143—144; F. Scheidweiler. Die Wortfeldtheorie. «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», Bd 79, Hft 3/4, 1942, SS. 249—272; «Kunst» und «List», Bd 78, Hft 1/2, 1941, SS. 62—87.

(Исидор); понятие «prudentia» как fruotî (Ноткер, X в.), uuistuom (Татиан), uuisduam, uuizzî (Отфрид), claulicho (Benediktinerregen); «ratio» как reda (Ноткер), redina (Benediktinerregen), sin (Ноткер), wizze, gewizze (Ноткер); «scientia» как chunst, list, wizentheit, chunna (Ноткер), uuistuom (Татиан); «intellectus» как farnufst (Benediktinerregen), furstantnessi, uorstanthissi (Татиан), sinnigi, fernumest, wistuom (Ноткер); «simplex» как einfaltlih (Benediktinerregen), luttar (Татиан) и т. д.

Вместе с тем uuizzî, uuisduam (Отфрид) означает и «sapientia», и «prudentia»; uuistôm (Татиан) передает и «prudentia», и «scientia» и т. д. На последнем обстоятельстве (нерасчлененности у Отфрида и Татиана понятий sapientia + prudentia, prudentia + scientia) Трир акцентирует особое внимание. Он говорит, что у Отфрида uuizzî, giuuizzî и uuisduam «понятийно смешаны»³⁴ — они означают и sapientia, и prudentia (wis Отфрида приблизительно равно spahi + wisi Татиана, но у Татиана wisi означает не просто prudens, а prudens + sciens). Смещение «понимания, разума» и «знания» (Verstand и Wissen) в wizze является первоначальным, исконным³⁵. Лишь начиная с Ноткера wizze (и sin) явно недвусмысленно связываются уже с «ratio», «intellectus», а синкретически слитые значения Отфрида (sapientia + prudentia) вытеснены. Понятие «prudentia» переходит теперь к слову fruotî, а вместо татиановского uuistuom для «prudentia + scientia», взятых в единстве, у Ноткера мы встречаем уже chunst (изредка list, которого у Татиана не было совсем)³⁶. О каком-либо центральном понятии поля до XIV в., по мнению Трира, говорить трудно³⁷.

Таким образом, от отфридовского uuizzî, означающего «sapientia + prudentia» и chunst в смысле «scientia» через татиановское spahida, которое передает «sapientia» и uuistuom,

³⁴ J. Trier. Der deutsche Wortschatz., SS. 76—77.

³⁵ Ibid., S. 76.

³⁶ Wis и spahi у Ноткера, по наблюдению Трира, различаются не понятийно, а стилистически. Они оба употребляются в сложных словах: spahi редко применяется к лицам, зато wis (как прилагательное) постоянно соотносится с ними. У Отфрида list и konstî тоже различаются лишь стилистически.

³⁷ Шейдвейлер (см. примечание 33), обследовав памятники древневерхненемецкого периода разных диалектов и разных переводчиков, пришел к противоположному выводу: по его наблюдению, слово kluoc в значении «умный» употребляется как центральное слово всей группы уже в течение всего XIII в. (см. F. Scheidweiler. Kluoc. «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», Bd 78, Hft 3/4, 1941, SS. 200—202).

соответствующее «prudentia + scientia», мы приходим к совершенно иной картине у Ноткера: wizze здесь означает «sapientia», fruotî — «prudentia», chunst — «scientia». В качестве примера взят лишь один незначительный кусок поля «разум» без учета анализа негативных существительных и прилагательных и позитивных прилагательных, означающих sapientia, prudentia, scientia. Точно так же Трир проводит анализ памятников средневерхненемецкого и нововверхненемецкого языков, сопоставляя затем их друг с другом в пределах одной, однако, эпохи.

Сравнение результатов исследования различных авторов одного века (Татиан и Отфрид) или разных веков (Татиан и Отфрид, IX в., и Ноткер, X в.), проведенное в пределах одного древневерхненемецкого периода, наглядно показывает, как происходит «перечленение» поля.

Перечленение поля — это перегруппировка мозаичных кусочков понятийного поля, делимого словом (то или иное слово данного поля берет себе то больший, то меньший кусочек понятийного поля). Между отдельными частными понятиями, составляющими поле, происходит передвижение внутренних (но не внешних) границ. «Эти изменения членения в полях и эти изменения границ между полями есть внутренняя, категориальная история языка», — пишет Трир³⁸. «Членение поля, по его словам, изменяется от эпохи к эпохе и при этом выступающие изменения значений отдельных слов должны быть поняты как изменения в членении поля»³⁹.

Так, поле Klugheit в нововверхненемецком целиком накладывается на древневерхненемецкое поле, но ячейки не совпадают — все дело в ином членении поля, полученном в результате изменения объема и содержания понятий, входящих в концептуальное поле Трира⁴⁰. То же самое мы видели и при сопоставлении поля «разум» у разных авторов одного древневерхненемецкого периода (см. выше, стр. 15—16).

Внимание Трира привлекали проблемы синхронии — диахронии Соссюра, восходящие в свою очередь к гумбольдтовской концепции «сочленений». Трира не удовлетворяло соссюровское решение проблемы, поскольку принцип системности при диахроническом рассмотрении языка у Соссюра нарушается, исчезает. Трир дает свою, структурную, историю поля.

В отличие от Соссюра, оперировавшего понятиями синхро-

³⁸ J. Trier. Die Idee der Klugheit., S. 626.

³⁹ J. Trier. Der deutsche Wortschatz., S. 8.

⁴⁰ J. Trier. Sprachliche Felder, SS. 420, 423.

нии и диахронии, Трир подвергает сомнению⁴¹ слишком прямолинейное различие между синхронией и диахронией; структуру поля он воспринимает только в статике. Диахронию же Трир сводит к перечленению поля. Следовательно, диахронические изменения значений — это перечленение смысловых (понятийных) отношений в поле, внешние границы которого остаются неизменными.

Дополнительно к диахроническим изменениям Трир особо выделяет исторические изменения, расценивая их как результат концептуального (диахронического) перечленения поля.

Об истории можно говорить лишь применительно ко всему понятийному полю в целом, так как слово, лишенное самостоятельности, естественно, не может иметь и своей истории.

Исторические изменения, историю Трир дает как сравнительную статику, т. е. как сравнение двух статических состояний поля, сравнение разных исторических пластов. Исторические изменения, следовательно, являются дискретным процессом, в отличие от диахронических, равных перечленению поля. По мнению Трира, «членение поля одного отдельного языка является необходимой предварительной работой для сравнения двух языков в целом»⁴². Это указание Трира было подхвачено многими лингвистами, разработавшими особую методику сопоставительного изучения полей двух различных языков в один исторический период.

Сам Трир считал основным диахронический аспект исследования. Книга Трира комбинирует описательное и историческое исследование, правда, последнее не в традиционном понимании, а как изучение перечленения поля.

Древние периоды жизни языка показывают язык, говоря словами Трира, более как *ergon* (нечто готовое, сделанное), чем *energeia* (творческая сила). Поскольку же Трир ограничивается лишь эпохой до XIII в., то язык для него фактически выступает как *ergon*.

Таким образом, усвоив и в отдельных случаях по-своему преломив положения Гумбольдта и Соссюра о структуре, ценностях, о внутренней форме языка, о сочленениях и т. д., Трир, в соответствии с собственным пониманием поля, попы-

⁴¹ Трир — не единственный лингвист, пытавшийся не противопоставлять синхронию и диахронию в лингвистике, не разрывать их. Это делали до него, в частности, В. Вартбург, Л. Вейсгербер, взгляды которых разбираются в статье Трира «Deutsche Bedeutungsforschung». С методами Вартбурга Трир соглашается, но его далеко не все удовлетворяет в исследовании такого рода.

⁴² J. Trier. *Der deutsche Wortschatz...*, S. 22.

тался разработать особую методику семантического анализа, основанную на законе членения языка, взяв в качестве объекта группу слов, выражающих абстрактное понятие⁴³. Поле «разума», как его представляет себе Трир, производит впечатление очень разнообразной мозаики из идей, понятий (концептуальное поле), которым соответствуют слова (лексическое поле), хотя и различные в разных случаях (см. выше, стр. 15—17).

Учение Трира стимулировало дальнейшее системное исследование лексики.

* *
*

Метод Трира и его теоретические положения были использованы десятками учеников Трира, которые либо слепо во всех вопросах подражали ему, либо приносили в теорию кое-что свое, давали иную методику анализа, но в целом не отклонялись от концепции Трира.

Обычно в числе трудов, написанных в духе Трира (в том числе и не его непосредственными учениками), называют работы А. Мора, Т. Шнейдера, М. Трелле, Г. Хюсгена, Г. Бехтольдта, А. Шонинг, Г. Фишера⁴⁴, исследовавших поле «разум» в немецком и других языках в различные эпохи; работы

⁴³ В последующих своих работах Трир отошел в сторону от прежней методики. Многие его статьи поздних лет написаны в духе исследования словесей; в ряде статей Трир выступает как этимолог: First. «Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Fachgruppe IV, N. F., Bd 3, Nr. 4, 1940, SS. 55—137; Vorgeschichte des Wortes *Reich*. «Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen». Phil.-hist. Klasse, Nr. 14, 1943; Spiel. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd 69, Hft 3—4, 1947, SS. 419—462; «Zehn Etymologien zum Fachwerk». Marburg, 1951; «Holz». Münster—Köln, 1952; Wald. «Fragen und Forschungen im Bereich und Umkreis der germanischen Philologie. Festgabe für Th. Frings», Berlin, 1956, SS. 25—39.

⁴⁴ A. Mohr. Die intellektuelle Einschätzung des Menschen in der Mundart des Amtes Drolschagen im Sauerland. Münster, 1931; Th. Schneider. Der intellektuelle Wortschatz Meister Eckeharts. Berlin, 1935; M. Trelle. Zwei Feldgefüge im Sinnbezirk des Verstandes bei Philipp von Zesen. Münster, 1935; H. Hüsgen. Das Intellektualfeld in der deutschen Arkadia und in ihrem englischen Vorbild. Diss. Massing—Emmerich, 1935; H. Bechtoldt. Der französische Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. «Romanische Forschungen», Erlangen, 1935, Bd 49, Hft I, SS. 21—180; A. Schöningh. Der intellektuelle Wortschatz Luthers in den Paulinischen Briefen des Septembertestaments. Diss. Münster, 1937; H. Fischer. Der intellektuelle Wortschatz im Deutschen und Französischen des 17. Jahrhunderts. Berlin, 1938.

В. Клетта, Г. Юци, С. Вилера⁴⁵, посвященные полю «прекрасного»; работы Г. Скоммодо, Ф. Маурера⁴⁶, давших анализ иных полей, и др. Достаточно посмотреть одну-две из этих работ, чтобы убедиться в их полной зависимости от Трира.

Именно такой является, например, книга Бехтольда. Автор анализирует французский словарный запас в смысловой области «разум», используя памятники древнего периода — до конца XII в. Делается это с умыслом, чтобы можно было сравнить поле «разум» в немецком и французском языках, для чего сначала необходимо изучить это поле во французском языке того же периода, что и в немецком языке. Однако при работе с французским материалом возникает ряд дополнительных проблем. Так, для слов французского языка древних эпох важно учитывать их происхождение. «Проблема родного языка для французского (как и для других романских языков) совершенно самобытна, — пишет Бехтольдт. — Ответ на этот вопрос есть ключ к познанию внутренней формы французского языка»⁴⁷.

Эта проблема — вопрос соотношения французского языка с вульгарной латынью — решается на материале анализа духовных и дидактических текстов старофранцузского языка. В работе рассматриваются позитивные и негативные прилагательные в непереводной и переводной литературе (в последнем случае сопоставляется французское слово с его латинским источником).

Работа распадается на три части. В первой части дается теоретическое обоснование темы и метода. Подобно Триру, Бехтольдт утверждает, что «значимость и положение отдельного слова внутри группы слов определяется через его окружение»⁴⁸. Исходные посылки работы — целиком трировские. Во второй части дается конкретный анализ слов, обозначающих «разум» из 29 текстов старофранцузского языка. В третьей части по образцу Трира выявляется круг значений взятого поля сопоставительно друг с другом⁴⁹.

⁴⁵ W. Klett. Wörter im Sinnbereich der Gemeinschaft bei W. Langland. Diss. Bonn, 1939; G. Juzi. Die Ausdrücke des Schönen in der altenglischen Dichtung. Diss. Zürich, 1939; S. Wyler. Die Adjektive des mittelhochdeutschen Schönheitsfeldes unter besonderer Berücksichtigung Chaucers. Diss. Zürich, 1944.

⁴⁶ H. Sckommodau. Der französische psychologische Wortschatz der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts. Leipzig—Paris, 1933; F. Maurer. Leid. Bern—München, 1951.

⁴⁷ H. Bechtoldt. Op. cit., S. 32.

⁴⁸ Ibid., S. 23.

⁴⁹ Работа Бехтольда обратила на себя внимание некоторых критиков. В 1939 г. появляется рецензия на эту книгу Г. Рейнфельдера, кото-

Подобных работ, теоретически и методологически зависимых от учения Трира, в 30-е годы, т. е. сразу после появления монографии Трира, написано множество. Авторы рассматривали не только поле «разум» (в других языках или у отдельных писателей), но и другие поля. Значительный интерес вызвало поле «красоты, прекрасного», рассмотренное в староанглийской поэзии (Юци) и в среднеанглийский период у Чосера (Вилер)⁵⁰. Исследователи поля «прекрасного» очень искусно дифференцировали свой материал, допуская некоторые отклонения от Трира, но в целом используя его методику и его теоретические положения.

В числе работ, представляющих анализ того или иного поля в духе Трира, часто называют и работу Ф. Маурера⁵¹. Отправной точкой этого труда является средневерхнемецкое *leit*, которое образует часть поля «*ere, leit, rache*». Цель работы Маурера шире, чем описание только данного поля. Автора попутно привлекают многие чисто литературоведческие вопросы. Маурер выступает перед нами в основном как литературный критик и историк, так что отнесение книги Маурера к работам, написанным в духе Трира, возможно лишь с некоторой натяжкой.

Поле психологических названий в текстах французских писателей второй половины XVIII в. изучил Скоммодо⁵². В 50-е годы Л. Тинсли (ученица Хатцфельда) в духе Трира описывает на материале французского языка поле «высшей духовной деятельности». В это поле вошли три ключевых названия: *dévotion, piété, spiritualité* — и ряд подчиненных слов, попадающих в их орбиту⁵³. Тинсли идет от целого поля, как и Трир, но не пренебрегает в отдельных случаях и историей

рый критикует автора за ограничение исследования существительными и прилагательными (так поступал и Трир) и за использование лишь духовной и дидактической старофранцузской литературы XII в., а также за то, что автор «не формулирует значения этих слов с достаточной точностью или осторожностью, существенными, очевидно, для исследований такого типа». (См. «Literaturblatt für germanische und romanische Philologie». Leipzig, 1939, Jg 60, Nr. 3—4, SS. 118—122).

⁵⁰ См. выше, стр. 20.

⁵¹ См. F. Maurer. Op. cit., а также рецензию на его книгу Д. Кларка («Archivum Linguisticum. A Review of Comparative Philology and General Linguistics», Glasgow, 1952, vol. 4, fasc. 1, pp. 77—79). Кларк называет Маурера «одним из ведущих представителей теории поля, впервые развитой Триром».

⁵² См. выше, стр. 20.

⁵³ L. Tinsley. The French Expressions for Spirituality and Devotion. Washington, 1953.

компонентов поля, чего мы не видели у Трира⁵⁴. Работа вызвала в целом одобрительную оценку С. Ульмана⁵⁵.

Таким образом, довольно большая группа лингвистов сразу же после выхода в свет монографии Трира стала практически применять его теорию к материалу разных языков и разных периодов, не пересматривая совершенно теоретических основ концепции поля, оперируя фактически областью понятий. Исходные положения Трира принимались безоговорочно, материал обрабатывался обычно методом Трира, лишь изредка допускались отклонения.

Одновременно с появлением эпигонских, несамостоятельных исследований начался и пересмотр теории поля. Новый метод обсуждался и эволюционировал в ряде статей (В. Бетца, Г. Мюллера, С. Эман, Г. Базилнуса, М. Конрадт-Хикинг и др.), посвященных проблеме семантического поля; он широко дискутировался в общих теоретических работах⁵⁶ и во многих практических исследованиях, авторы которых касались теории Трира⁵⁷. В большинстве случаев звучали явно критические голоса⁵⁸.

⁵⁴ Ibid., pp. 187, 209.

⁵⁵ «Romance Philology». Berkeley and Los Angeles, 1955, vol. IX, No 1, pp. 46—48.

⁵⁶ См. St. Ullmann. The Principles of Semantics. Glasgow, 1951, pp. 152—170; H. Kronasser. Handbuch der Semasiologie. Heidelberg, 1952. SS. 133—138; P. Guiraud. La sémantique. Paris, 1955, pp. 68—82. Ульман, на которого теория Трира, высоко им ценяемая, оказала известное влияние, стремится примирить традиционный, атомистический подход к значению с теорией поля, которую считает структуральной. Ульман доказывает, что связь имени и смысла (понятия) более прочна, чем простая ассоциация. К тому же ее можно рассматривать и с точки зрения имени (тогда получим значение), и с точки зрения смысла (тогда получим название). Разрыв имени и смысла, формальной и смысловой стороны языка (что делает, в частности, Вейсгербер) вызывает острую критику Ульмана. Поле Трира строится на ассоциации означаемых, т. е. понятий (смыслов). Это сближается с теорией «ассоциативных полей» Ш. Балли, основанных на ассоциации не только означаемых (что выдвигал Соссюр), но и означающих (см. Ch. Vallu. L'arbitraire du signe. «Le Français Moderne», 1940, t. 8, Nr. 2, pp. 195—197). Ульман, вслед за Балли, также говорит о возможности ассоциации означающих, т. е. имен, а не только смыслов. Поскольку же имя, по Ульману, обязательно предполагает смысл (и наоборот), а следовательно, и отношение к нему (это и есть функциональное значение Ульмана), то тем самым автор считает доказанным совместимость теории семантического поля и понятия функционального значения, не учитывая, что в традиционном языкознании значение слова определяется не с функциональной точки зрения. На деле примирить традиционное языкознание и структурализм Ульману не удалось.

⁵⁷ Например, А. Рудскогер, Э. Оксар, К. Ройнинг и др. — см. примечания, 107, 116, 128.

⁵⁸ В последнее десятилетие (особенно в последние годы) появилось

Наиболее сильную критику мы находим у Бетца⁵⁹. Бетц провел среди студентов лингвистический эксперимент, результаты которого заставили автора усомниться в объективности существования в языке «семантических полей». Трир, по замечанию Бетца, очевидно, хотел бы, «чтобы язык был подобен точному математическому прибору, чтобы он был совершенно безошибочно и ясно поделен и переделен на поля»⁶⁰. Однако сделать это пока невозможно, и потому поле не является существующей структурной формой словарного запаса языка, — такой вывод делает Бетц. Поле, по мнению Бетца, должно иметь не геометрически плоский, а ступенчатый вид, т. е. слова общего значения и очень узкого, конкретного не могут располагаться на одной ступени. Членение поля необходимо выводить эмпирически, а не навязывать его языку. Бетц указывает также, что неверно заранее предполагать полную гармонию членов поля, где в действительности царят пробелы и перекрещивания, где часто невозможно бывает определить границы отдельных слов⁶¹.

Прежде чем изучать поле, необходимо, как указывает Бетц, собрать живой языковой материал, чего не сделал Трир. «Все существовавшие до сего времени описания поля, — говорит он, — зачастую опирались на абстракции, на отдельные тексты бедного литературой времени, на произведения

немало критических работ и в Советском Союзе. В этих работах анализируются основные положения теории поля (обычно учений Трира и Вейсгербера). Таковы разделы в книгах: О. С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии» (Учпедгиз, М., 1957, стр. 78—81); В. А. Звегинцева «Семасиология» (Изд-во МГУ, 1957, гл. IX); К. А. Левковской «Лексикология немецкого языка» (Учпедгиз, М., 1956, стр. 133—136); разделы в статьях: Р. А. Будагова «Задачи изучения лексики» (Доклады и сообщения филол. ин-та ЛГУ, 1949, вып. 1, стр. 103—123); В. В. Виноградова «Из истории лексикологии» (см. примечание 5); Е. И. Шендельс «О грамматических значениях в плане содержания» (сб. «Принципы научного анализа языка». Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, М., 1959, стр. 50—54); обзор Н. Г. Комлева «О некоторых работах современных зарубежных языковедов» (Научные доклады высшей школы. Филол. науки, 1959, № 1, стр. 147—149) и др. Теориям «семантического поля» был посвящен доклад А. А. Уфимцевой (см. тезисы докладов на VI пленарном заседании Словарной комиссии ОЛЯ АН СССР, посвященном современной проблематике лексикологии и семасиологии 19—21 октября 1960 года. М., 1960, стр. 5—10), статьи А. А. Уфимцевой и М. М. Гухман (см. примечания 18 и 75).

⁵⁹ W. Betz. Zur Überprüfung des Feldbegriffes. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», Göttingen, 1954, N. F., Bd 71, Hft. 3/4, SS. 189—198.

⁶⁰ W. Betz. Op. cit., S. 197.

⁶¹ Ibid., S. 191.

одного автора или группы, но никогда — на живую полноту живого разговорного языка»⁶².

Наконец, возражения Бетца вызывает и сам термин «поле», который в большинстве случаев оказывается неточным и даже бесполезным, поскольку его очень трудно дифференцировать. Вместо названия «поле» Бетц рекомендует употреблять сочетание слов «смысловая область» (Sinnbezirk). Деление же этих «смысловых областей» должно определяться в каждом случае особо, а не по заранее составленной схеме.

Однако Бетц фиксирует не только недостатки теории поля, хотя и останавливается преимущественно на них. Он отмечает и ее достоинства: «Ценным, — по словам автора, — было и есть постоянное указание на более или менее крупные связанные группы слов, группы вещей», указание на определенные единые структуры языка, т. е. системность лексических явлений.

Отдельные критические упреки в адрес Трира и его теории можно найти в статьях Базилиуса и Эман⁶³.

Последняя, например, как и Бетц, говорит, что в различных лексических полях трудно провести такие точные границы, как в поле «разум»⁶⁴. Образ мозаики, сопровождающий теорию поля с самого ее возникновения (что идет от Ипсена), пригоден для очень немногих словесных областей, главным образом, по мнению Эман, в сфере, относящейся к понятию «человек», но он совершенно непригоден в области температурных делений (например, к шкале — горячий, холодный, прохладный, теплый и т. д. Кстати, эту непригодность к другим областям допускал и сам Трир). По заключению Эман, упрощение картины с помощью мозаики там, где оно возможно, дает большие преимущества, хотя и таит в себе немалую опасность, так как может легко привести к ложным выводам. Эман считает, что проблема исторического развития не может быть удовлетворительно решена методом Трира. Зато понятийные поля Трира могут содействовать решению проблем

⁶² W. Betz. Op. cit., S. 189.

⁶³ H. Basilius. Neo-Humboldtian ethnolinguistics. «Word», New York, 1952, vol. 8, No. 2, pp. 95—105; S. Ohman. Theories of the «linguistic field». «Word», New York, 1953, vol. 9, No. 2, pp. 123—134.

⁶⁴ Аналогичное замечание мы находим у Йоллеса (см. примечание 105), Порцинга (примечание 95), Ройнинга (примечание 116), Мюллера (примечание 70) и др. Йоллес возражал против того, что поля имеют резкие границы, указывая, что к цепи слов, входящих в одно поле, могут быть прибавлены все новые звенья. Он подверг критике также трировское членение поля, отметив, что неверно считать, будто не может быть пробелов между словами в поле.

омонимии и полисемии. Эман приводит следующий пример: в конце XVIII в. в Германии braun означало и «фиолетовый», и «коричневый». Оба цвета включались в один и тот же раздел поля, обозначаемого как braun. Трир своей теорией убедительно показал, что braun как «коричневый» и braun как «фиолетовый» — одно полисемантическое слово, т. е. никаких омонимов здесь нет. Прямо противоположную картину мы видим в немецком Schloss — «замок» и Schloss — «замок», которые относятся к двум различным полям, т. е. являются омонимами⁶⁵. Общий вывод автора таков: теория поля справедливо привлекла к себе большое внимание, но оказалась применима только к области абстрактных слов в словаре⁶⁶.

Однако основное возражение вызывает само определение поля Триром. В 1956 г. появляется статья Конрадт-Хикинг⁶⁷, в которой дается пересмотр теории поля Трира. Автор критикует Трира за то, что тот берет не языковые, а понятийные поля: «Слова смыслового поля (Weisheit, Klugheit, Schlaueit, List...) стоят только понятийно, а не по значению в одном поле — таков результат нашего исследования относительно смыслового поля»⁶⁸. Между тем, как говорит Конрадт-Хикинг, понятийное истолкование значений словарного запаса языка относится к области философии, а не лингвистики. Задача же лингвиста — изучать звуковую и значимую сторону слов неразрывно (автор исходит из сосюрковского понимания знака: «Слово есть отвечающее его сущности единство звучания и значения»). Именно так и поступает Конрадт-Хикинг, анализируя, в отличие от Трира, не смысловое (понятийное) поле, а словесное. Автор показывает такое словесное поле на примере сложных слов, в которых отдельное слово, компонент сложного слова, выступает как член поля. В словесном поле Конрадт-Хикинг слова стоят вместе не только по своему значению, но и по своему звучанию.

⁶⁵ S. Ohman. Op. cit., S. 134.

⁶⁶ У Эман есть практическое рассмотрение ряда лексико-семантических групп, проведенное в сравнительном плане («Wortinhalt und Weltbild». Stockholm, 1951). Автор сопоставляет немецкую и шведскую терминологию в сфере учреждений (администрация, политические партии, военные титулы, образование, деньги, меры и т. д.), в области чувственных данных (краски, звуки и т. д.) и родственных отношений. Эман не обращается к терминам, обозначающим интеллектуальные и моральные ценности. В своем анализе «поля» она исходит из слов, а не понятий.

⁶⁷ M. Konradt-Hicking. Wortfeld oder Bedeutungsfeld (Sinnfeld)? «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», Göttingen, 1956, Bd 73, Hft. 1—2, SS. 222—234.

⁶⁸ M. Konradt-Hicking. Op. cit., S. 228.

Для обоснования этого взгляда Конрадт-Хикинг использует иной метод — берет омонимы *Eule* («птица», «щетка», «горшок») и рассматривает их в составе сложных слов (*Eulenest* — совиное гнездо, *Eulenaugen* — совиные глаза, *Kehreule* — половая щетка, *Handeule* — ручная щетка и т. д.). При этом компоненты для первого омонима *Nest*, *Augen* вошли в область представлений, связанных с птицей, а компоненты второго омонима — в область представлений, связанных со щеткой. Присоединение компонента другого звучания изменяет и значение слова. В пределах одного словесного поля, т. е. в сложном слове могут быть объединены слова лишь одного круга представлений.

Словесное поле Конрадт-Хикинг позволяет изучить жизнь омонимов, но из своих частных наблюдений автор делает выводы общего характера, заключения о структуре всего немецкого языка, что звучит малоубедительно, хотя и смело. Таким образом, идея «поля», идея системности в лексике нашла в теории Конрадт-Хикинг свое новое преломление: автор настаивает на методе изучения слов одновременно со стороны их звучания и значения, что можно проследить на материале омонимов, входящих в состав сложных слов⁶⁹.

Вслед за статьей Конрадт-Хикинг в 1957 г. появляется статья Г. Мюллера «Словесное поле и языковое поле»⁷⁰.

В этой статье автор обращает внимание на контекст, который Трир совершенно игнорировал, поскольку исходил из понятий, а не слов (за то же критикует Трира К. Ройнинг и А. Рудскогер — см. примечания 116 и 128). Мюллер предлагает различать понятийный и языковой контекст, из которых первый объявляется вторичным, что, впрочем, зависит от конкретной ситуации.

В отличие от Трира и Вейсгербера, на которых ссылается Мюллер, автор понимает термины *Wortfeld* и *Sprachfeld* дифференцированно — первый как «понятийное поле» (*Begriffsfeld*), второй как «синтаксическое поле» (*syntaktischen Feld*)⁷¹.

⁶⁹ Новую концепцию поля («морфосемантическое поле») выдвинул недавно П. Гиро (*Les champs morphosémantiques*. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», vol. 52. fasc. 1, 1957, Paris, pp. 265—288). Гиро учитывает, как и Конрадт-Хикинг, связь звука и значения, ссылаясь на Соссюра. Он решает этимологические проблемы, выясняя внешние и внутренние критерии этимологии и т. д. Ср. также: I. Orr. *Words and Sounds in English and French*. Oxford, 1953.

⁷⁰ G. Müller. *Wortfeld und Sprachfeld*. «Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im geistigen Sein». Berlin, 1957, SS. 155—163.

⁷¹ *Ibid.*, S. 156.

Смотря по обстоятельствам, вторичным может быть то одно, то другое из этих полей.

Особое внимание автор сосредоточивает на синтаксических значениях отношений. При исследовании синтаксического поля следует исходить, по мнению Мюллера, из отдельного слова, которое стоит в центре синтаксической конструкции. В применении к полям Трира этого никогда не было — при анализе понятийных полей Трир исходил только из целого, определял значимость слова только через целое понятийное поле. Все зависит, по Мюллеру, от синтаксических связей. Так, в конструкции *wir werden kommen* у глагола *werden* семантического значения нет, а в сочетании *etwas werden* у *werden* есть смысловая нагрузка⁷².

Это и составляет синтаксическое значение отношений. Лексическое значение, по Мюллеру, есть у отдельных слов, тогда как значения синтаксических отношений могут быть лишь у целого выражения. Методика анализа Мюллера, следовательно, сильно отличается от трировской.

Итак, основные критические замечания в адрес теории Трира могут быть сведены к следующим: 1) поля Трира объединяют родственные понятия, вместо того чтобы включать в себя лингвистические единицы — значения; 2) эти понятийные поля выделяются не объективно, а интуитивно, что часто ведет к серьезным ошибкам; к тому же выделение их идет со стороны логики, а не лингвистики; 3) не существует четких и неизменных границ между полями в отдельных языках, как это пытается доказать Трир; 4) данный подход к проблеме синхронной семантики ограничен по охвату материала, поскольку теория Трира применима лишь к таким сферам человеческого опыта, элементы которых строго систематизированы; 5) проблема исторического развития семантической системы не может быть удовлетворительно решена с помощью теории Трира (хотя взгляд на историю как дискретный процесс используется современными структуралистами на других уровнях языка).

Наконец, и сам метод семантического анализа Трира, состоящий в установлении способов членения понятийного содержания языка с помощью словесного поля при его наложении на концептуальное поле, может быть подвергнут сомнению, поскольку он основывается на определении значимости слова через целое понятийное поле, без учета связей самих слов друг с другом в пределах одной системы, понятие же

⁷² G. Müller. *Op. cit.*, S. 162.

семантической системы фактически сведено к понятийному содержанию языка.

Многочисленные, хотя обычно и критические, отклики на теорию поля Трира говорят о том большом интересе, который вызывают вопросы системности языка (в данном случае проблема семантической системы) у лингвистов разных стран и направлений. Они свидетельствуют также и о том, что поиски новых методов семантического анализа все еще продолжают-ся (см. статьи Конрадт-Хикинг, Мюллера).

* *

*

Концепция Трира близка теории Вейсгербера, основного идеолога современного неогумбольдтианства, с именем которого связано возрождение учения Гумбольдта о «внутренней форме языка»⁷³.

Вейсгербер, обративший едва ли не первый внимание на определенные, связанные сферы словаря, дал самостоятельное решение проблемы системности в лексике, применив новые методы семантического анализа.

Его основное исследование в четырех томах «О силах немецкого языка» (особенно II том монографии «О мировоззрении немецкого языка»⁷⁴, соотносимый с идеями Б. Уорфа) выходит за рамки собственно семантических проблем: задача автора — вскрыть мировоззрение немецкого народа через языковой анализ. Языковое познание действительного мира легче всего выявить в лексике, подразделяемой у Вейсгербера на три области (природа; материальная цивилизация; интеллектуально-духовная культура и абстрактный опыт), и в грамматике.

Основные положения книги (язык — духовная сила народа, движущая сила истории и т. д.) восходят к Гумбольдту⁷⁵.

⁷³ С этой точки зрения можно считать Трира последователем Вейсгербера, развивающим его общефилософские взгляды, хотя и под иным углом зрения. Что касается теории поля Трира, то она, судя по всему, возникла вполне самостоятельно и оказала большее влияние на последующее системное рассмотрение лексики, чем работы самого Вейсгербера. В связи с этим изложение ее было дано раньше, до описания основ и методов исследования Вейсгербера.

⁷⁴ L. Weisgerber. Von den Kräften der deutschen Sprache. Bd 2. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Düsseldorf, 1950.

⁷⁵ О философской стороне учения Вейсгербера, его «неогумбольдтианских» взглядах см. статью Л. С. Ермолаевой «Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании» (сб. «Проблемы общего и частного языкознания». Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, М., 1960, стр. 47—85) и статью М. М. Гухман «Лингвистическая теория

Исходя из положения о том, что язык — не только средство общения, но и настоящий мир, который дух должен открывать, Вейсгербер объявляет язык «мысленным промежуточным миром» (Zwischenwelt), который есть результат взаимодействия мира вещей и мира сознания (тезис о соотносительности мира языка с внешним миром Вейсгербер отрицает совсем). Язык существует только в рамках Zwischenwelt'a, Вейсгербер возражает против ограниченного понимания языка как инструмента познания мира. По Вейсгерберу, язык является тем целым, которое охватывает все явления, связывая их в это единое целое («общность языка охватывает общность жизни»⁷⁶). Никакая область жизни не чужда языку. Язык сам создает окружающий мир. Язык есть образ, картина мира, мировоззрение народа (Weltbild). При этом каждый язык связан с определенным народом. Отсюда различие языков есть различие самих взглядов на мир и, естественно, для людей разных национальностей мир выглядит различно⁷⁷.

Язык влияет на членов общества посредством поля, и наша концепция мира определяется исключительно этими полями. «Языковое поле — часть языкового «промежуточного мира» (Zwischenwelt), строящегося на основе единства органически связанных, взаимодействующих групп языковых знаков»⁷⁸, — говорит Вейсгербер. Так теория Вейсгербера о языке — Zwischenwelt'e сплетается с учением о поле, понимаемом несколько иначе, чем мы видели это у Трира, и анализируемом также иными методами.

У языкового поля есть свой закон развития — закон органического выделения из целого. По этому закону, «члены родственных групп определяют друг друга своим местоположением в поле»⁷⁹. На этом законе языкового членения строится изучение значений слов. Целое не составляется из отдельных независимых частей, а наоборот, «значимая определенность каждого слова в отдельности должна вырастать из построения общего. В качестве основы ограничения языковых содержаний здесь выступает, таким образом, закон органиче-

Л. Вейсгербера» (сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», Изд-во АН СССР, М., 1961, стр. 123—162).

⁷⁶ L. Weisgerber. Op. cit., S. 20.

⁷⁷ Идеи Вейсгербера быстро завоевали большую популярность. Вейсгербер — признанный глава неогумбольдтианства в Германии. Некоторые лингвисты (см. P. Hartmann. Wesen und Wirkung der Sprache im Spiegel der Theorie L. Weisgerbers. Heidelberg, 1958) создали свои вариации на темы Вейсгербера.

⁷⁸ L. Weisgerber. Op. cit., S. 64.

⁷⁹ Ibid., S. 107.

ского выделения»⁸⁰. Вейсгербер берет слово *träge* «ленивый, косный», принадлежащее к умственной области, и сравнивает его с другими словами — синонимами, которые надо перебрать все, чтобы знать значение данного слова⁸¹. «Слова не предполагают отдельные предметы как таковые, — пишет автор, — а упорядочивают многообразие предметов под определенным углом зрения, и отдельный предмет выступает уже как отдельный представитель этого класса»⁸². «Определенный угол зрения», на первый взгляд напоминающий «дифференцирующий фактор» Мейера (см. выше стр. 9), заставляет каждого человека по-своему членить то или иное понятие, результатом чего является определенное значение слова.

Так, приводимые Вейсгербером слова: дерево, куст, трава, сорняк, цветок, ягода, плод, дуб, роза — имеют определенное значение, которое они получили не потому, что в природе есть такие подразделения, а потому, что человек классифицирует их так исходя из их полезности для своей деятельности.

Точно так же слово *сорняк* существует лишь в человеческих мыслях; *плод*, *злак* объединяются в мозгу человека в одну картину с точки зрения их пригодности для человека (все они на равных правах противопоставлены *сорняку*). Таким образом, значение определяется в *Zwischenwelt'e*, без учета самих объектов, с человеческой точки зрения. *Zwischenwelt* формирует значения, которые связаны со звуковой формой, но не определяются последней.

Вейсгербер делит все поля на однослойные и многослойные.

Однослойное поле — результат того, что на него смотрят с какой-либо одной точки зрения. Поле имен родства, например, как результат мыслительной обработки естественного явления представляет собой четкую систему мысленного *Zwischenwelt'a*. На данном опыте автор старается убедить читателя в том, что в разные исторические эпохи люди имеют различное представление о родственниках и родственных связях, а это доказывает, по Вейсгерберу, что *Zwischenwelt* является составной частью языка.

Многослойные поля возникают в том случае, когда на поле

⁸⁰ L. Weisgerber. Op. cit., S. 46. Ср. также: «Языковое поле существует как единое целое и для выявления каждого отдельного его члена необходимо просмотреть это единое целое, включая и то место, которое занимает в нем отдельное слово».

⁸¹ L. Weisgerber. Op. cit., S. 32.

⁸² Ibid., SS. 34—35.

можно смотреть с двух и более точек зрения. Таково двуслойное поле цвета, состоящее из двух основных форм познавательного процесса, из двух точек зрения: одна точка зрения исходит из предметов и связана с ними (*weiß* — белый, *schwarz* — черный цвет), а другая является продуктом головного мозга (*grau* — серый цвет, которого нет в природе, получен из белого и черного в сознании человека). Это две возможности, из которых первая вытекает из преобладания мира вещей, вторая — из преобладающей силы разума. Обе возможности одинаково важны для формирования картины мира (*Weltbild*). Различие точек зрения ведет к обогащению языкового образа (*Weltbild*).

Вейсгербер приводит также примеры переводов названий цвета с греческого языка. По мнению Вейсгербера, трудно найти синоним к названию цвета у Гомера. Так, *ōchros* имеет значение то «зеленовато-желтый», то «красный»; *chlōros* означает «желтовато-зеленый» или «серовато-коричневый». Иногда эти прилагательные переводятся как «блестящий»⁸³. Этот последний перевод основан на предположении, что греки больше интересовались интенсивностью, яркостью, чем оттенком красок. Вывод автора в связи с этим следующий: наблюдаемые различия в цвете основаны на законах «промежуточного мысленного мира» (*Zwischenwelt'a*), лежащего между действительностью и сознанием, между субъектом и объектом, и зависят от мировоззрения, от точки зрения на мир.

Хотя Вейсгербер и считает, что при исследовании полей необходимо принимать во внимание точки зрения, взаимодействующие при языковой обработке той или иной области жизни, однако сделать это бывает порой очень трудно, а сам метод оказывается не объективным. Так, при анализе 49 слов поля *Verstoß* (нарушение), куда входят и существительные, и глаголы, и прилагательные, Вейсгербер выделяет в них две основные точки зрения: 1) степень ответственности какого-либо лица (сознательно ли участвовал в нарушении норм и

⁸³ L. Weisgerber. Op. cit., S. 141. А. Ф. Лосев приводит несколько иные значения взятых прилагательных, основываясь на следующем положении: «...греки понимали цвета в полной их неотрывности от тех или иных тел... Гомеровские цвета с этой точки зрения не могут не быть вещественно пластичными, не могут не быть телесно осязаемыми... Игнорирование этих телесных характеристик всегда и приводило исследователей в замешательство, так как необходимым образом вся цветовая терминология оказывалась противоречивой, неопределенной и запутанной». (См. А. Ф. Лосев. Эстетическая терминология ранней греческой литературы (эпос и лирика). «Уч. зап. МГПИИ им. В. И. Ленина», 1954, т. 83, вып. 4, стр. 84.)

Таблица 1

Степень ответственности (Grad der Verantwortung) Против какой нормы (Verstoß gegen welche Norm)	Bez vedoma и volni (простая констатация) (ohne Wissen und Willen) (reine Feststellung)	Возможна оценка (Wissen möglich)	Обязанность (Verpflichtung zu Wissen)	Предположение о возможности (Ansatz des Wissens)	Концеп нежелания (Achtören des Nichtwollens)	Преднамеренно (Mit Wissen und Willen)	Согласно характеру (Aus Anlage)
Против целесобразного (Was zweckmäßig ist)	Vorsehen	(Bock, Lapsus)	Gegankenlosigkeit	Unbedachtlichkeit	Unüberlegtheit	Sinnlosigkeit	Torheit
Против надлежащего (Was sich gehört)	Fehler	Schnitzer	Unschicklichkeit	Ungehörigkeit	Unfug	Böswilligkeit	Tölpelheit
Против разумного (Was vernünftig ist)	Irrtum	Fehlgriff	Dummheit	Unbesonnenheit	Unvernünftigkeit	Верткость	Narrheit
Против должного (Was sich gebührt)	Entgleisung	Mißgriff	Unziemlichkeit	Ungebührlichkeit	Unverschämtheit	Гемейность	Flegel, Zümmelei
Против данного (Was Satzung ist)	Verletzung	Zuwendung	Überschreitung	Übertretung	Widersetzlichkeit	Vergehen	(Rebellion)
Против законного (Was recht ist)	Verfehlung	Fehltritt	Übergreif	Übeltat	Missetat	Verbrechen	Schurkerei, Schuftigkeit
Против морального (Was zur sittlichen Ordnung gehört)	Verirrung	Untat	Schandtat	Ruchlosigkeit	Frevel	Sünde	Teufelei

участвовал ли вообще); 2) нормы, которые нарушаются (обычай, закон, моральные устои и т. д.). Из соединения этих двух точек зрения и состоит лексическое поле Verstoß, отраженное Вейсгербером в следующей схеме⁸⁴ (табл. 1).

Из данной схемы видно, что различные степени ответственности (1-я точка зрения) измеряются одновременно и степенью важности нарушаемого (2-я точка зрения). Неодинаковая тяжесть обвинения (слова, расположенные по вертикали) зависит от того, нарушаются ли нормы разумного, морального, законного, необходимого, надлежащего (слова по горизонтали) и т. п.

Поскольку каждое слово может быть рассмотрено с двух точек зрения, то для анализа всего поля необходимо всякий раз менять угол зрения. Слова, рассмотренные в каком-либо одном аспекте, с одной точки зрения, составляют так называемый «основной ряд» поля. Вейсгербер подробно останавливается на описании седьмого ряда (по вертикали) под рубрикой «согласно характеру». Сюда входят слова: Torheit, Tölpelheit, Narrheit, Flegelheit, Zümmelei (Rebellion), Schurkerei, Schuftigkeit, Teufelei.

Каждый член ряда может лечь в основу гнезда новых слов, естественно, этимологически связанных с ним. От слов 7-го ряда возможны, например, следующие образования, в которых проявляется «специализация» поля⁸⁵.

Таблица 2

Определение виновного и проступка	Виновный	Действие
töricht	Tor	Torheit
tölpelhaft	Tölpel	Tölpelheit
närrisch	Narr	Narrheit
flegelhaft	Flegel	Flegelheit
rebellisch	Rebell	Rebellion
schuftig	Schuft	Schuftigkeit
schurkisch	Schurke	Schurkerei
teuflich	Teufel	Teufelei

Вейсгербер утверждает, что слова, образованные с помощью одних и тех же средств словообразования, в значительной мере связаны по содержанию, т. е. все члены группы

⁸⁴ L. Weisgerber. Op. cit., S. 88.

⁸⁵ Ibid., S. 90.

подчиняются закону поля (о законе поля см. выше, стр. 29). Так, слова с суффиксом *-heit-* передают убеждение, лежащее в основе слова, обозначающего нарушение, и действие, возникающее из этого убеждения; образования с суффиксом *-ei* относятся только к поступку. Глаголов (за исключением иностранного *rebellieren*) в этой группе вообще нет.

По-иному обстоит дело с первым (по вертикали) рядом, где можно отметить преобладание рефлексивных глаголов. Специализация этого ряда — смягчающая оценка (не случайно сюда не может подойти глагол *verletzen*, означающий нарушение норм, законов, параграфов, уставов).

Точно так же проводится анализ других рядов.

В процессе исследования горизонтальных рядов Вейсгербер приходит к необходимости выделить в каждом из них основное слово. Ими являются: *Versehen*, *Ungehörigkeit*, *Dummheit*, *Gemeinheit*, *Übertretung*, *Verbrechen*, *Sünde*. Основное слово ряда не только может быть само образовано от других слов (от прилагательных, глаголов действия, от существительных), но может служить основой для образования новых слов тех же категорий. Например, *Dummheit* образовано от прилагательного *dumm*; *Übertretung* — от глагола *übertreten* через посредство существительного *Übertreter*. Наоборот, от *Sünde* можно образовать *Sünder* (существительное), *sündig* (прилагательное), *sündigen* (глагол действия), *sündhaft* (прилагательное действия) и т. д.⁸⁶

Анализ ведется, таким образом, в нескольких направлениях, с нескольких точек зрения. Однако различия в словах, выделенных с помощью этих точек зрения, не соответствуют делению поля в сознании любого говорящего. Вейсгербер и сам вынужден признать, что «можно спорить о месте каждого отдельного слова в системе»⁸⁷.

Большой интерес представляет проведенный Вейсгербером анализ цветового поля прилагательных в немецком языке (основной ряд: *rot*, *grün*, *gelb*, *blau*, *braun*, *weiß*, *grau*, *schwarz*, *violett*, *lila*, *rosa*). Эти прилагательные не стоят отдельно, обособленно в языке; каждое из них является основным членом целой группы слов, среди которых есть и абстрактные существительные (*das Rot*, *die Röte*), и глаголы (*göten*, *erröten*), и прилагательные (*rötlich*). Если проследить «специализацию» основного ряда поля, то можно натолкнуться на удивительные явления, отраженные в следующей схеме⁸⁸.

⁸⁶ L. Weisgerber. Op. cit., S. 94.

⁸⁷ Ibid., S. 88.

⁸⁸ Ibid., S. 82.

Таблица 3

Господствующее представление. Прилагательное	Производные					Глаголы		состояния
	Имена		абстрактное существительное	действия	начала	начала	состояния	
	прилагательное	субстантивное прилагательное среднего рода						
<i>rot</i>	<i>rötlich</i>	<i>das Rot</i>	<i>die Röte</i>	<i>röten</i>	<i>erröten (sich röten)</i>	—	—	
<i>grün</i>	<i>grünlich</i>	<i>das Grün</i>	—	<i>(vergrünen)</i>	<i>ergrünen</i>	<i>grünen</i>	<i>grünen</i>	
<i>gelb</i>	<i>gelblich</i>	<i>das Gelb</i>	—	—	<i>vergilben</i>	—	—	
<i>blau</i>	<i>bläulich</i>	<i>das Blau</i>	<i>die Bläue</i>	—	—	<i>blauen</i>	<i>blauen</i>	
<i>braun</i>	<i>braunlich</i>	<i>das Braun</i>	<i>(die Bräune)</i>	<i>bräunen</i>	<i>(sich bräunen)</i>	—	—	
<i>weiß</i>	<i>weißlich</i>	<i>das Weiß</i>	—	<i>weißen</i>	—	—	—	
<i>grau</i>	<i>gräulich</i>	<i>das Grau</i>	—	—	<i>ergrauen</i>	<i>(grauen)</i>	<i>(grauen)</i>	
<i>schwarz</i>	<i>schwärzlich</i>	<i>das Schwarz</i>	<i>die Schwärze</i>	<i>schwärzen</i>	<i>(sich schwärzen)</i>	—	—	
<i>violett</i>	—	—	—	—	—	—	—	
<i>lila, rosa</i>	—	—	—	—	—	—	—	
Среднеvek. <i>faro</i>			<i>faraui</i>	<i>faraunen</i>				

При рассмотрении таблицы в глаза бросается неравномерность, с которой образованы различные слова. Так, например, прилагательные типа götlich являются производными только от прилагательных, означающих основные краски, и не имеют места у violett (ср. также blond). Это подчеркивает особую роль и главных членов поля. Наоборот, от прилагательных спектра нет абстрактных образований, кроме die Röte, die Bläue, die Schwärze. Привычное Bräune ничего общего не имеет с цветовым полем — оно перекечало в поле слов, обозначающих болезни. Постепенно начинают появляться слова с суффиксом -heit- (есть Blondheit; нет, но вполне возможны Rotheit, Graueit).

В таблице Вейсгербера наиболее примечательно образование глаголов, что сознает и сам автор. Действие, его начало и состояние можно было бы выразить описательным путем (rot machen, sein, werden), но изредка встречаются и глаголы (например, röten, bräunen, weißen, schwärzen, vergürnen, тогда как глаголов gelben, gräuen, bläuen нет). Имеющиеся слова ограничены и в употреблении: только Sonne rötet Wangen, Äpfel, Gipfel, Himmel, Feuer rötet Mauern und Himmel. Нельзя сказать: Maler rötet Haus и т. д. Еще уже употребление глагола bräunen: Sonne und Wind bräunen Haut; weißen является специальным выражением маляров, blondieren — парикмахеров и т. д. Несколько шире использование глагола schwärzen, хотя и его область применения крайне узка.

Определенные ограничения существуют в инфинитивных глаголах. Так, erröten может только человек, но не стена и не вишня; ergrauen могут лишь волосы; ergrünen — растения; vergilben — листья деревьев и книги. Эти глаголы означают процессы, передающие существенные внутренние изменения в значительных обстоятельствах (erröten свидетельствует о внутреннем волнении человека; vergilben и ergrünen важны при росте растений и т. д.).

Весьма своеобразны глаголы состояния — grünen, blauen, grauen, которые употребляются лишь в известных оборотах: только Himmel blaut, Pflanze grünt и Tag graut. Выходящие из этих рамок употребления необычны и практически не встречаются.

Таким образом, специализация цветового поля тесно связана с построением (выделением) основного ряда прилагательных.

Многие примеры Вейсгербера есть не что иное, как синонимы, рассмотренные с понятийной точки зрения. Таковы

ряды обозначений для понятий sterben, sehen, в анализе которых немало ценного.

Среди слов группы sehen есть слова, подчеркивающие то сам процесс, то его наступление, его длительность, то его последствия и т. д. «Вся полнота человеческих взглядов и оценок находит свое выражение в этом поле, — говорит Вейсгербер, — не осознанная для говорящего, но действительно обоснованная в просторе картины мира в родном языке»⁸⁹.

Метод Вейсгербера оказывается не всегда применимым с равным успехом. Это сумел показать рецензент книги Вейсгербера Р. Залеский, который проанализировал данным методом несколько синонимических рядов в английском языке⁹⁰. Наиболее удачным оказалось исследование синонимического ряда английского языка see — look — gaze — peep — gawk — observe — watch — spy. По методу Вейсгербера Залеский пытается членить это поле исходя из различных точек зрения: 1) сосредоточение внимания на объекте (see — notice — observe — watch); 2) интенсивность действия (glance — look — gaze — gawk — stare); 3) серьезность проступка (peep — spoor — peep — spy). Иначе говоря, проводится разложение на семантические составляющие словесного значения (так называемое разложение на компоненты), т. е. определяются дифференциальные признаки значения.

Так происходит членение поля или выделение значений, которые становятся понятными лишь тогда, когда мы знаем остальные значения.

Итак, Вейсгербер развивает тезис об активном воздействии языка на мир вещей, показывает влияние языка на мысль и на эволюцию нашего сознания. По Вейсгерберу, язык, а через него сознание, определяют бытие, а не наоборот. Для обоснования системности в языке Вейсгербер создает свою теорию, существенно отличную от концепции Трира. У Трира речь идет о понятийном поле, на которое накладывается словесное поле, Вейсгербер же говорит не о двухмерных, а о трехмерных полях, вводя особое понятие Zwischenwelt, являющееся посредником между объективным миром и субъектом. Вейсгербер чрезмерно подчеркивает интеллектуальную сторону языка, объясняя все изменения в значении слов изменениями точки зрения на мир. Учет «точки зрения» составляет сущность метода анализа Вейсгербера. Однако у Трира и Вейсгербера есть и общая, роднящая их черта: Трир и Вейс-

⁸⁹ L. Weisgerber. Op. cit., S. 77.

⁹⁰ «Language», Baltimore, 1950, vol. 26, No. 3, pp. 439—441.

гербер в своих работах исходят из понятия, из факта сознания, а не из слов как единиц языка. Поле в их трактовке, по замечанию Ульмана, «является единственной в своем роде, отчетливо выраженной структурой, со своими собственными законами; оно воплощает в себе особое видение вселенной и иерархию ценностей, меняющихся от языка к языку и от периода к периоду»⁹¹.

Следовательно, Вейсгербер, Трир и их последователи представляют особое направление в истории «семантического поля», неогумбольдтианское — по своей философской сущности и исходящее из структуры, из понятия «значимости» Соссюра — по методам анализа. Говоря словами В. А. Звегинцева, «фактическим содержанием семасиологических работ представителей данного направления являются поиски своеобразного понятийного абсолюта, загадочно проглядывающего в семантических структурах разных языков во все новом и новом обличье»⁹².

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ И ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ГРУПП СЛОВ В ЯЗЫКЕ

(Г. Ипсен, В. Порциг и др.)

Концепции Трира и Вейсгербера, вызвав справедливую и резкую критику, вместе с тем стимулировали дальнейшее углубленное изучение лексической системы языка. Можно назвать множество работ, в которых представлены, в отличие от Трира и Вейсгербера, сугубо лингвистические трактовки понятия поля, разработаны новые методы семантического исследования. И хотя представители собственно лингвистического (не понятийного) подхода к лексике по-разному изучают лексический состав языка, пользуются различной методикой, все они за основу изучения берут слова или сочетания слов, группы слов, но не понятия; всех их объединяет стремление к изучению типов смысловых связей слов в языке. И все-таки говорить о каком-либо едином направлении в разработке теории семантических полей в этом случае не приходится. Здесь сколько лингвистов, столько и попыток установления системности в семасиологии, столько и самостоятельных теорий, столько и разнообразных методов исследования.

Из всех работ в данной области мы остановимся лишь на наиболее интересных и крайних точках зрения. Таковыми нам

⁹¹ Ст. Ульман. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология. Сб. «Новое в лингвистике», вып. 2. ИЛ, М., 1962, стр. 20.

⁹² В. А. Звегинцев. Семасиология. Изд-во МГУ, 1957, стр. 268.

представляются взгляды Ипсена и Порцига, рассматривающих словарный состав языка по лексико-грамматическим и лексико-синтаксическим группам слов; теории Ройнинга и других лингвистов, давших методiku сопоставительного изучения семантических систем в разных языках; работа Рудскогера, сводящая понятие «поле» к значению полисемантического слова, и некоторые другие. Каждая из этих теорий является возможным, хотя и не всеобъемлющим (исчерпывающим) конкретным подходом к понятию семантической системы с различных точек зрения, освещающим разные стороны словарного состава языка.

Из лингвистов, давших собственную теорию поля, ближе других, как считает Ст. Ульман⁹³, стоит к Триру Ипсен. На самом деле подход Ипсена к вопросам существования поля в корне отличен от трировского.

Если Трир исходил из понятий, то Ипсен идет от слов, ищет лингвистические, а не понятийные критерии существования поля. Понятийное поле Трира — формальная схема, по утверждению Ипсена, тогда как надо исследовать лингвистическое поле, которое может быть основано на чисто лингвистических отношениях. Именно поэтому для Ипсена так важен формально-функциональный аспект рассмотрения слов. Ипсен говорит, что слова, этимологически различные, входят в одну смысловую систему, если они скреплены морфологическими приметами, т. е. одинаково оформлены. Более того, форма слова, даже в отвлечении от лексического содержания слова, позволяет отнести его к определенной группе.

Группы Ипсена, таким образом, состоят из слов, родственных и по формальному признаку, и по значению. В качестве примера можно привести исследуемое автором индоевропейское поле металлов.

Почти все наименования металлов в древних индоевропейских языках являлись заимствованиями. Древнейшее из заимствованных названий металла, которое в латинском языке отражено как *aes*, *aeris*, восходит к туземному названию острова Кипр, откуда в древности вывозилась руда. Поскольку *aes* было воспринято в силу своей формы как слово среднего рода с основой на *-s* (индоевропейский основообразующий формант *-s* в древности объединял довольно большую группу существительных среднего рода), то и остальные члены группы также оформлялись при заимствовании как слова среднего рода, унифицируясь в формальном отношении. Приспосо-

⁹³ St. Ullmann. The Principles of Semantics, pp. 152—170.

бившись формально к системе индоевропейского строя, аес стало функционировать как детерминатив по отношению к словам, обозначающим металлы, т. е. аес являлось самостоятельным существительным, а остальные слова в сочетании с центральным аес становились атрибутивными и рассматривались как цветные прилагательные. Объединение различных названий металла в одну группу происходит, таким образом, многоступенчато: «Первая ступень, — по словам Ипсена, — создает из разрозненных единиц класс слов; вторая ступень конкретизирует их путем синтаксического членения как «группу с признаками меди» и образует тем самым понятие металла; третья ступень путем переосмысления (имеется в виду так называемая «народная этимология». — А. К.) снимает с них отпечаток чужеродности, включая металлы в систему обозначения цвета»⁹⁴.

Подобных групп, систем слов, представляющих родство и формальное, и семантическое, в языке очень мало, поэтому теория поля Ипсена ограничена в применении, хотя Трир и считал ее практически полезной при анализе древних состояний языка, особенно для понимания индоевропейских проблем, так как тенденция к детерминации в индоевропейских языках сохраняется относительно долгое время.

Лингвистический подход характеризует и «семантическое поле» Порцига. Порциг исходит не из понятийных сочленений трировского типа и даже не из отдельных слов общих семантически и грамматически, как Ипсен, а из словесных комплексов. Его поля — простые соотношения, состоящие из глагола и субъекта или объекта или прилагательного и существительного: gehen — Füße; greifen — Hand; sehen — Auge; hören — Ohr; lecken — Zunge; küssen — Lippen; wiehern — Pferd (ср. heigh — horse; bark — dog; blond — hair; grasp — hand; цветок — расти; лошадь — ржать; собака — лаять; глаз — видеть и т. д.). Здесь речь идет не о голых консоциациях в духе Шпербера, когда при произнесении одного слова легко приходит на ум другое, но об отношениях, которые по сути дела сами создают общие значения. Общие значения Порциг называет «существенными отношениями значений»⁹⁵. Это есть, иначе говоря, «элементарные поля значений»⁹⁶. По

⁹⁴ G. Ipsen. Der neue Sprachbegriff. «Zeitschrift für Deutschkunde», Leipzig — Berlin, 1932, Jg. 46, Hft 1, S. 15.

⁹⁵ W. Porzig. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Halle (Saale), 1934, Bd 58, Hft 1—2, S. 70.

⁹⁶ Ibid., S. 72. «Элементарные поля значений» Порцига напоминают синтаксическое поле Мюллера, но с той разницей, что Порциг брал только

Порцигу, «языковое значение определяется вообще только через различие и из отношения его ко всем остальным значениям»⁹⁷. Как видим, эта мысль восходит к Соссюру и внешне сходна с аналогичным утверждением Трира. Однако Трир совершенно лишает слова самостоятельности и приходит к ним от понятий. Порциг допускает известную самостоятельность слов, членов «элементарных полей значений».

Ядром «элементарных полей значений» Порцига обычно выступают глаголы. Одни глаголы подразумевают субъект (bellen — Hund, wiehern — Pferd, blühen — Pflanze, wachsen — Organismus), другие требуют определенного объекта (fallen — Baum, vorsetzen — Speise или Trank). К глаголам иногда определением может быть наречие. Сами глаголы однозначны. Последнее положение относится к сравнительно ограниченной группе глаголов. Оно неправомочно и для некоторых примеров, приведенных Порцигом: так, bellen может и Hund, и Fuchs (ср. brüllen — Löwe и Ochs, brummen — Käfer и Bär, но quaken — только Frösch)⁹⁸.

Помимо сочетаний с глаголами возможны сочетания существительных с прилагательными — blond — Haar, lahm — Beine, blind — Sehen, schwül — Witterung, taub — Gehör.

«Глагол и прилагательное имеют то общее, что их основная функция — предикативная»⁹⁹ и потому они менее двусмысленны, чем существительные (bellen соединяется только с Hund, но с Hund связано множество понятий, вещей, greifen может употребляться только со словом Hand, но Hand может делать и иные движения, не только greifen и т. д.).

Почти каждое слово может иметь переносное значение в силу существования метафоры, которую Порциг понимает в духе Марти: «Метафора есть объединение членов двух семантических полей в полизначном словесном выражении»¹⁰⁰. Отсюда — поля делятся на центральные (ср. англ. blind man) и переносные (ср. англ. blind alley).

Если каждое слово приобретает смысл только в сочетании с другими словами, то не будет ли здесь тавтологии? — спрашивает Порциг. Если только Hund bellt, то можно ли гово-

более или менее устоявшиеся отношения глагола (прилагательного) и существительного, т. е. предикативную синтагму, а Мюллер допускает возникновение синтаксических значений отношений в самых разнообразных конструкциях.

⁹⁷ Ibid., S. 71.

⁹⁸ Последние примеры приводит Вейсребер в работе «Vom Weltbild der deutschen Sprache», SS. 57—61.

⁹⁹ W. Porzig. Op. cit., S. 76.

¹⁰⁰ Ibid., S. 78.

речь *bellen* без *Hund*? Оказывается, порой это возможно. Например, можно говорить *es läutet* и *die Glocken läuten*.

Слова элементарных полей значений, как правило, этимологически чужды друг другу¹⁰¹, что отмечал еще Ипсен. Но иногда существенные отношения значений могут возникать и между словами этимологически родственными: *hämmern* — *Hammer*, *bohren* — *Bohrer*.

Этимологически родственные поля значений составляют часть элементарных полей значений¹⁰².

Одно и то же слово полей Порцига может быть единицей во многих типах отношений. Например, *reiten* подразумевает *Pferd*¹⁰³. *Pferd* входит не только в данное элементарное поле значений, но также и в поле *Pferd* — *wiehern*; а *fahren* связано с *Wagen*, с *Boot*, с *Zug* и т. д. К тому же части словаря образуют производную группу *reiten*, *Reiter*, *Reiterin*, *Bereiter*, *abreiten*, составляя особый тип лингвистического поля. Эти два типа лингвистических полей не исключают друг друга, а своеобразно взаимодополняют.

Порциг высказал мысль, что словарь должен иметь дело с группами, которые понятийно принадлежат одному полю. Автор критикует поля Трира, поскольку тот дал не лингвистические, а понятийные группы, поля, которые Порциг называет делимыми в противоположность собственным, включающим. Трир отнесся резко отрицательно к теории Порцига, протестовал против наименования элементарных полей значений Порцига «семантическими полями», но в действительности концепция Порцига заслуживает едва ли не большего внимания, чем взгляды Трира, оперировавшего понятиями, а не словами и их значениями.

Несмотря на многие положительные моменты в теории Ипсена и особенно Порцига, их методы исследования не являются единственно возможными и абсолютно безупречными. Ипсен и Порциг продемонстрировали лишь возможность разнообразия подходов к понятию системы в лексике, под которой понимаются лексико-грамматические и лексико-синтаксические группы слов, но им не удалось показать взаимосвязанности всех элементов словаря, основных тенденций семантического развития, определяемых системой языка в целом.

¹⁰¹ W. Porzig. Op. cit., S. 80.

¹⁰² Ibid., S. 81.

¹⁰³ В средневерхненемецком языке глагол *reiten* означал не только «ехать верхом на лошади». Он употреблялся для обозначения любого передвижения, связанного с тряской; отсюда были возможны такие выражения, как *in einem Wagen, an einem Strick reiten* (см. W. Porzig. *Das Wunder der Sprache*. Bern, 1950, S. 230).

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП СЛОВ ОДНОГО ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

(Э. Оксар, О. Духачек и др.)

Если Ипсен с точки зрения системности рассматривал лексико-грамматические, а Порциг лексико-синтаксические группы слов в языке, то многие лингвисты, вдохновляемые идеей трировской теории поля, изучали лексико-семантические группы слов.

Критерии объединения слов в одну лексико-семантическую группу могут быть самые различные.

Так, в некоторые лексико-семантические группы входят слова, имеющие одно обобщающее слово: например, слово *цветок* — для различных названий цветов; *дерево* — для названий разных пород деревьев; *кустарник* — для наименований различных видов кустарника; *мебель* — для названий стола, стула, шкафа, дивана, кресла, комода и т. п.; *яблоко* — для названий сортов (апорт, славянка, штрейфлинг, ранет, коричное, антоновка и т. д.). Обычно семантические группы такого рода наблюдаются у существительных. Лингвисты нередко утверждают, что подобные группы свойственны далеко не всем языкам. В языке нецивилизованных народов, как правило, отсутствует обобщающее слово. Например, в языке бинанделей на Новой Гвинее нет родового названия для пальмового дерева, но есть множество наименований различных видов пальм, названия пальм в зависимости от ее применения; у зулусов нет общего слова, означающего *корова*, в языке аборигенов центральной Бразилии нет родового названия *попугай*, но имеется множество наименований для подвидов его и т. д. Долгое время считалось, что у племени индейцев Северной Америки широко нет слова, означающего *мышь*, но существует 14 специальных глаголов, передающих частные виды этого действия. В 1952 г. А. Хилл¹⁰⁴, обратившись к данному факту, установил, что в действительности 14 различных глаголов представляют собой 2 морфемы, которые входят в некоторые регулярные сочетания. Этот случай должен насторожить лингвистов и толкнуть их к пересмотру накопленного в данной области материала. Помимо лексико-семантических групп с обобщающим словом могут быть такие лексико-семантические объединения, в которых слова, имеющие одно сходное или общее значение,

¹⁰⁴ A. A. Hill. A note on primitive languages. «International Journal of American Linguistics», New York, 1952, vol. 18, pp. 172—177.

варьируют его стилистически или идеографически, создавая так называемые синонимические ряды как особый вид лексико-семантических групп.

Другие слова, наоборот, объединяются в одну группу по методу противоположности отдельных значений. Это так называемые антонимические ряды (чаще всего пары).

Лексико-семантические группы слов, располагающиеся вокруг слова — доминанты, и антонимические группы могут быть частью такой группы, в которой члены объединены на основе общего понятия, наличествующего в каждом слове этой группы.

Таковыми будут группы эмоций, имен родства, названия частей тела, температурная шкала, глаголы говорения, думания, движения, слова, связанные с обонянием, осязанием и другими восприятиями с помощью органов чувств.

В самом деле, в группе слов, обозначающих эмоции, могут быть такие слова, как радость, восторг, веселье, составляющие «синонимический ряд», и вместе с тем печаль, грусть, которые образуют с первыми словами антонимические отношения (причем не обязательно парные). В группе слов, обозначающих части человеческого тела (рука, нога, лицо, глаз, щека, плечо и т. д.), отдельные члены могут стать доминантами так называемых «синонимических рядов», обычно стилистически окрашенных (лицо — физиономия — морда — рыло — харя; щека — ланиты и т. д.), но сами не имеют стилистической окраски.

Все эти разновидности лексико-семантических групп могут рассматриваться как очередные проявления семантической системы языка.

Первые намеки на лексико-семантические группы слов, выражающих одно понятие, мы находим у А. Йоллеса¹⁰⁶, который, кстати, предлагал заменить термин «поле» термином «группа».

Йоллеса интересуют коррелятивные пары типа *patēr — huiós* (Vater — Sohn) пух — *heméra* (Nacht — Tag), *filos*, чаще *aristerós — dexiós* (links — rechts, ср. Leben — Tod).

Особо выделены пары имен родства в индоевропейских языках (*huiós — patēr*). К паре *filos — dexiós* даны параллели из новых языков: *gauche — droit*, левый — правый, *venstre — hoire*. А. Йоллес находит подобные пары у древних греков и

¹⁰⁵ A. Jolles. Antike Bedeutungsfelder. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Halle (Saale), 1934, Bd 58, Hft 1—2, SS. 97—109.

доказывает, что «семантический фундамент остается неизменным, тогда как его компоненты замещаемы» в ходе истории: для одного и того же отношения могут быть использованы различные слова, но само отношение при этом по своей структуре не изменяется.

Трир в отличие от Шейдвейлера¹⁰⁶ считал опыт Йоллеса неудачным, хотя поля Йоллеса и представляют определенный интерес с точки зрения исследовательского метода. Их можно расценивать как своеобразный зародыш лексико-семантических групп слов, которые в настоящее время привлекают к себе все больше и больше внимания.

Методика исследования подобных лексико-семантических групп может быть различной. Их возможно анализировать разными методами в синхронном и диахронном плане на материале одного языка или в сопоставительном плане на материале нескольких языков и т. д.

Среди работ, посвященных синхронному или диахронному анализу отдельных лексико-семантических групп на материале одного языка, можно отметить труд Э. Оксар, О. Духачка и некоторых других. Оксар провела скрупулезный анализ группы слов немецкого языка (в том числе и современного), означающих скорость¹⁰⁷. Это исследование представляет собой самостоятельный по методике Трира, даже полемически заостренный против нее, и восходящий к идее объединения слов в «поля» по общности понятия, лежащего в основе значений группируемых слов. При этом для Оксар отношение слов к полю менее важно, чем контекст употребления изучаемых слов (здесь она выделяет дробные детерминативы). По мнению Оксар, целесообразным является путь исследования отдельного слова в контексте. Этот метод Оксар и применяет в практической части своей монографии. Однако анализ отдельного слова не исключает рассмотрения слов в их взаимосвязях. Так, Оксар выделяет две группы слов и выражений, передающих в одном случае точечную, мгновенную скорость (*punktueller Schnelligkeit*, условно — PS), в другом — линейную (*lineare Schnelligkeit* — LS). Некоторые слова вошли в промежуточную группу линейно-мгновенной скорости (LS — PS). Каждую из этих двух групп Оксар делит в свою очередь на центральную и периферийную подгруппы, а в

¹⁰⁶ F. Scheidweiler. Die Wortfeldtheorie, S. 252.

¹⁰⁷ E. Oksaar. Semantische Studien im Sinnbereich der Schnelligkeit. Uppsala, 1958.

группе PS выделяет еще и самую крайнюю, внешнюю периферию (*äusserste Peripherie*).

Автор настойчиво и совершенно справедливо указывает, что четких границ между словами нет нигде и слова могут переходить из группы PS в группу LS, а внутри этих подразделений — из одной подгруппы в другую. Между словами в группах есть известное соперничество за право господства. Общая тенденция развития слов следующая: слова из периферийной группы устремляются в центральную.

Помимо синхронного рассмотрения слов в определенный исторический период¹⁰⁸ Оксар говорит об изменениях в значениях сравнительно с каждой предыдущей эпохой. Однако основной упор Оксар делает на отдельное слово, взятое в контексте, а не на систему в целом, не на взаимодействия слов внутри определенной группы, внутри «поля».

Анализ подобной же лексико-семантической группы, но в пределах одной эпохи, не в историческом плане, проводит также Духачек¹⁰⁹. Духачек дает описание поля «красоты» в современном французском языке, но рассмотрение отдельных его членов он начинает, как правило, с XVII в., т. е. работа представляет собой синхронное описание со значительными элементами диахронии, поскольку «синхрония не является статичной», по утверждению автора¹¹⁰.

В дальнейшем автор предполагает проследить это же поле диахронно с древнейших эпох и до наших дней.

Анализ поля «красоты» (316 слов, относящихся к разным частям речи) в современном французском языке позволил Духачку сделать следующие выводы общетеоретического характера:

1. Слово, входящее в то или иное понятийное поле¹¹¹, является частью его структуры. Конкурируя с другими членами

¹⁰⁸ Для исследования взяты четыре периода: современный немецкий язык, прослеживаемый на материале 222 произведений с 1900 по 1956 г. (газеты, журналы, художественная литература); эпоха 770—1170 гг. (81 текст); 1170—1250 гг. (67 текстов); 1250—1500 гг. (140 текстов). Чтобы не увеличивать слишком объема работы, период с 1500 по 1900 г. отбрасывается совсем. Для трех периодов слова рассматриваются не по группам, а все подряд.

¹⁰⁹ O. Ducháček. *Le champ conceptuel de la beauté en français moderne*. Praha, 1960. Подробнее об этой работе см. рецензию В. А. Звегинцева и А. И. Кузнецовой («Вестн. Моск. ун-та», серия VII. Филология и журналистика, 1962, № 1, стр. 89—92).

¹¹⁰ O. Ducháček. *Op. cit.*, p. 24.

¹¹¹ Под «понятийным полем» Духачек в отличие от Трира понимает группу слов, в основе которой лежит понятие (одно или несколько), общее для всех слов, создающих это поле.

поля, оно или ограничивает их значения, или само семантически специализируется под влиянием окружения.

2. Границы понятийного поля весьма неопределенны (данное положение, как видим, направлено против утверждения Трира). Применительно к полю «красоты» Духачек это объясняет тем, что понятие «красоты» касается области не только смысловой, но также интеллектуальной, моральной, социальной и т. д.

3. В пределах одного понятийного поля мы можем наблюдать наряду с семантической дифференциацией семантическое сближение, что часто ведет к синонимике.

4. Объединение слов в пределах какого-либо понятийного поля не отвечает ни этимологическому родству, ни первоначальной принадлежности слов к другим понятийным полям. Многие члены поля «красоты» принадлежат одновременно к двум и более разным частям поля, не имеют постоянного места в поле (здесь снова встает вопрос о единстве слов — см. ниже, стр. 55).

5. В понятийном поле «красоты» все слова, как правило, так или иначе семантически переосмысляются. Это переосмысление автор видит в том, что побочные компоненты становятся доминирующими и наоборот.

6. Понятийное поле «красоты» обладает значительной экспансивностью и большой притягательной силой, объяснение чему Духачек усматривает в эмоциональности этого поля (ср. взгляд Г. Шпербера, стр. 9—10 настоящей работы).

Книгу О. Духачка можно оценить как очередной шаг в разработке очень сложной и актуальной проблемы семантической системы языка.

При анализе лексико-семантической группы слов, как одного из проявлений семантической системы языка, исследователь может не только исходить из контекста (методика Оксар, Духачка), но применять и другие методы, например метод разложения поля на так называемые компоненты, что восходит к вейсгерберовским «точкам зрения». При этом одни группы семантически близких терминов (например, имена родства, где можно определить в качестве компонентов пол, возраст, родственные отношения по крови, родовое сходство, восходящие и нисходящие поколения и т. д.) легко поддаются разграничениям на компоненты, другие — с большим трудом. Но даже и в этом последнем случае могут быть получены очень интересные результаты. Так, сравнительно недавно Е. А. Найда исследовал терминологию шаманов в некоторых языках майя (Гватемала и Южная Америка). В этом иссле-

довании, он ставил перед собой три задачи: «1) составление диаграммы компонентов семантического поля (так Найда называет лексико-семантические группы слов. — А. К.), 2) составление диаграммы семантических различий и 3) анализ компонентов значения отдельных терминов»¹¹². Первая из этих проблем решалась путем заполнения следующей схемы: по вертикали располагались все названия, относящиеся к шаманству, по горизонтали были помещены функции шамана (исцеление больных, произнесение заклинаний, предсказание будущего и пр.). В результате выполнения этой части работы стало совершенно ясно, что одно слово может выражать несколько значений, в сфере которых существуют определенные отношения. Следующий этап подобной работы состоит в анализе различных значений с точки зрения компонентов, которые выбираются на основе «1) отражения явлений культуры и 2) количества контекстов, в которых они встречаются»¹¹³. Решение этой задачи проводится Найдой на материале ануакского языка.

Результаты изысканий, которые Найда изложил в статье «Анализ значений и составление словарей», показали, что «несмотря на очевидную опасность субъективизма, преимуществва применения такой техники анализа значительно перевешивают его недостатки»¹¹⁴.

Метод разложения на компоненты отдельных семантических явлений получает в последнее время все более широкое распространение.

МЕТОДИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП СЛОВ В ДВУХ ЯЗЫКАХ

(К. Ройнинг, Г. Хюсген, П. Цинсли и др.)

Изучение лексико-семантических групп слов можно проводить иным методом — в плане сопоставления их в двух языках в одну историческую эпоху. Метод анализа, позволяющий определить ценность слов как членов систем разных языков, т. е. сравнение двух языков в один исторический период, оказывается высоко эффективным.

Замечание о подобной возможности было мельком брошено Триром в статье «Языковое поле» (см. выше, стр. 18).

Признавая первостепенным сравнение различных исторических пластов одного языка, некоторые ученики Трира, на-

¹¹² Е. А. Найда. Анализ значения и составление словарей. Сб. «Новое в лингвистике», вып. 2. ИЛ, М., 1962, стр. 61.

¹¹³ Там же, стр. 66.

¹¹⁴ Там же.

пример Хюсген, применили в своей работе метод сопоставления двух языков в один исторический период. Так, Хюсген¹¹⁵ сопоставляет в духе Трира поле «разум» в английском и немецком языках на материале одного конкретного произведения — «Аркадии» Сиднея (1590 г.), которая в 1629 г. была переведена на немецкий язык.

Автор рассматривает сначала слова поля «разум», обозначающие положительные черты, объединив их по сходству значений в группы, а затем — отрицательные названия в английском и немецком языках. Зависимости слов внутри поля он не устанавливает, в отличие от Трира, но, согласно установкам Трира, подвергает сравнению два поля в целом, а не отдельные их члены.

Подобная методика обработки поля, т. е. сравнение какого-либо поля в двух языках в один период, в дальнейшем привлекла внимание ряда крупных лингвистов, которые использовали ее в собственных работах, далеких в своих исходных посылах от трировской концепции.

Доказательством тому служит работа Ройнинга «Joy and Freude», представляющая «сравнительное изучение лингвистического поля приятных эмоций в английском и немецком языках»¹¹⁶. Хотя сам автор и называет разбираемую группу слов «лингвистическим полем», на деле к ней неприменим термин «поле» в трировском понимании слова.

«Лингвистическое поле» Ройнинга — это группа слов, означающих те или иные чувства человека, т. е. это слова и целые выражения¹¹⁷, объединенные одним понятием — «эмоций», тогда как поле, изучаемое Триром, поле понятий (а не слов), и Трира интересуют не слова в языке, а понятия и изменения, происходящие с ними.

Одно и то же понятие выражается в различных языках специфически, что и составляет национальное своеобразие языка. Ройнинг анализирует эти средства передачи эмоций в английском и немецком языках. Весь материал (примеры на оба «поля» в том и другом языке собирались главным образом в произведениях современной поэзии) рассмотрен в работе с нескольких точек зрения: 1) с точки зрения глубины градации (слова делятся на группы по степени нарастания приятности эмоций: например, забавы, удовольствия, радость, счастливое настроение, блаженство. Могут быть обратные

¹¹⁵ См. стр. 19 настоящей работы (примечание 44).

¹¹⁶ K. Reuning. Joy and Freude. Swarthmore, 1941.

¹¹⁷ Подобно Ройнингу сочетания слов наряду с отдельными словами использовала в своей работе Оксар.

эмоции — отчаяние, страдание и т. д.); 2) с точки зрения интенсивности, напряженности эмоций; 3) с точки зрения направленности и ненаправленности чувств на объект и т. д.

Исследование материала с этих точек зрения показало, что одно слово в одном языке может соответствовать комплексу слов или сложному слову в другом языке. В определенных подгруппах число простонародных слов в одном языке (обычно немецком) больше, чем в аналогичных группах другого языка, где превалируют литературные слова (английский язык). Английскому лексическому составу недостает интенсивности по сравнению с немецким словарем приятных эмоций, что можно объяснить различиями в национальных характерах немцев и англичан. Большие различия есть в синтаксической морфологической структуре обоих языков.

В заключение своей работы автор предлагает изучать другие «семантические поля» (т. е. иные лексико-семантические группы слов) и другие языки, а также словарь отдельных авторов¹¹⁸.

Важность исследований, подобных данному, несомненна.

На основе синхронного дескриптивного анализа семантических полей следует строить, по Ройнингу, генетическое и историческое исследование¹¹⁹.

Сопоставительный метод исследования определенных лексико-семантических групп разных языков привлекает к себе все большее внимание. В последние годы появилось немало статей, посвященных этому вопросу.

В плане сопоставления лексических единиц, принадлежащих к одной семантической группе в разных языках, написана, например, статья советского лингвиста В. А. Юрика¹²⁰. Автор сравнивает слова, обозначающие цвет, в русском и латышском языках. Для удобства анализа он группирует слова «в небольшие семантические области, своего рода вторич-

¹¹⁸ Подобный опыт, т. е. сопоставление переводов, был сделан учеником Трира Хюсеном в духе самого Трира (см. выше, стр. 49).

¹¹⁹ K. Reuning. Op. cit., p. 131.

¹²⁰ См. Опыт структурного анализа семантического поля цвета в русском и латышском языках. «Уч. зап. Латвийск. гос. ун-та им. П. Стучки». Рига, 1958, т. XXV, Филол. науки, вып. IIIA, стр. 185—198. Ср. также: доклад А. Б. Долгопольского «Изучение лексики с точки зрения трансформационно-переводного анализа плана содержания в языке» (Тезисы докладов на VI пленарном заседании Словарной комиссии ОЛЯ АН СССР, посвященном современной проблематике лексикологии и семасиологии 19—21 октября 1960 года. М., 1960, стр. 35—42); K. von Gabka. Zum Stand der modernen Wortfeldforschung. «Wissenschaftliche Zeitschrift der E. M. Arndt-Universität Greifswald», 1956/57, Jg. VI, Nr. 1—2, SS. 85—88.

ные семантические поля, с каким-либо более или менее общим значением»¹²¹ (правда, сделано это слишком субъективно). Так, выделены слова со значением красного цвета и его оттенков: желтого, синего, черного и белого. Четырем единицам латышского языка со значением красного цвета и его оттенков соответствует семь единиц русского языка. За исключением обозначений зеленого цвета соотношение цветовых прилагательных в других «вторичных полях» приблизительно такое же: в русском языке больше, чем в латышском. Обратная пропорция наблюдается при передаче уменьшительных цветовых оттенков: в латышском языке их более 18, в русском — только 13. Способы образования слов, обозначающих уменьшительные цветовые оттенки, в латышском языке разнообразнее (два суффикса и два префикса), чем в русском, где отмечено лишь два суффикса для выражения этого оттенка.

К сожалению, Юрик не касается отношений между словами так называемых «вторичных полей» своей группы.

Метод сопоставления определенных лексико-семантических групп может быть применен не только к разным языкам, но использован применительно к диалектам одного языка. Такое исследование провел, например, Цинсли, работа которого¹²² вызвала одобрение критиков¹²³.

Книга Цинсли, с одной стороны, выступает как особый случай теории «Wörter und Sachen» в применении к альпийско-немецкому словарному запасу (в I части дается перечисление названий для горного рельефа швейцарского варианта немецкого языка и их этимологии). С другой стороны, работа сближается с теорией Вейсгербера: язык для Цинсли является особым промежуточным миром, который автор и изучает.

Цинсли группирует словарь по девяти классам (группам) (орудия, скот, постройки и т. д.) и показывает, что каждое слово есть выражение специфического опыта горцев и занимает надлежащее место в своем «словарном поле». Автор не исследует каждый диалект отдельно, но сравнивает в целом

¹²¹ В. А. Юрик. Указ. соч., стр. 192.

¹²² P. Zinsli. Grund und Grat. Bern, 1946.

¹²³ R. Hotzenköcherle (рец.). «Vox Romanica», Bern, 1946/47, Bd 9, Nr. 1—2, SS. 221—228; S. Ohman. Theories of the linguistic field; H. Basilius. Neo-Humboldtian ethnolinguistics; ср. также: L. Weisgerber. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Hbdt 2. Die sprachliche Erschliessung der Welt. 2. Auflage. Düsseldorf, 1954, SS. 66—72.

богатую диалектальную терминологию с соответствующими «полями» литературного языка.

Исследованию языка рыбаков северо-восточной Германии посвящена работа А. Рибби, в которой автор анализирует диалектные названия рыб, сравнивая их с названиями литературного языка и научными терминами¹²⁴. По словам Цинсли, рецензировавшего работу Рибби, последний показывает не только язык рыбаков северо-восточной Германии, но и самих людей в их языковых выражениях, их взгляды, жизнь, труд: «Языковая область, которая здесь исследуется, является не просто какой-то частью рыбацкого словарного запаса; это настоящая его сердцевина, его ядро. Ибо эти выражения указывают на вещи, с которыми связано все существование рыбаков, от которых зависит их благосостояние и несчастье, — их добыча, их насущный хлеб».

В работе Рибби, как впрочем и самого Цинсли, уже не язык определяет, творит окружающий мир, а речь рыбаков выступает как «ясное зеркало их жизни и существования»¹²⁵.

Метод сопоставления двух диалектов одного периода Рибби дополняет сравнением с названиями рыб в XVI в., т. е. синхронное описание одной небольшой лексической группы автор объединяет с диахроническим аспектом, чего не делали ни Цинсли, ни Ройнинг.

Не всегда та или иная лексико-семантическая группа бывает представлена как лексическая система, т. е. не всегда слова и их значения в группах рассматриваются во взаимосвязи. А между тем при любом лексико-семантическом анализе должна выявляться именно системность слов, помогающая ответить на многие интересные вопросы, встающие перед исследователем. Поэтому вполне понятно, что отсутствие подхода к лексическим фактам языка как системным ставится в упрек авторам, игнорирующим его. Такой недостаток, в частности, отмечался рецензентами монографии Г. Герне «Славянские названия цвета» (*Die slavischen Farbenbenennungen*. Uppsala, 1954)¹²⁶, являющейся коллекцией словесных историй и этимологий, которой не хватает понятия системы¹²⁷.

¹²⁴ A. Ribbi. Die Fischbenennungen des Unterseegebietes. Rüsclikon, A. G., Baublatt, 1942.

¹²⁵ P. Zinsli (рец.). A. Ribbi. Die Fischbenennungen des Unterseegebietes. «Vox Romanica», Bern, 1946/47, Bd 9, n° 1—2, S. 229.

¹²⁶ «Words», New York, 1957, vol. 13, No. 1, pp. 179—188; «Indogermanische Forschungen». Berlin, 1958, Bd. 64, Hft 1, SS. 101—107.

¹²⁷ Ср. также работы более ранних лет, посвященные глаголам движения, но в которых нет и намека на систему: R. M. Ihrig. The semantic Development of Words for «Walk, Run» in the Germanic Languages.

Некоторые лингвисты (например, А. Рудскогер) обратились к теории поля Трира при решении вопроса о взаимоотношении понятия и значения, поскольку традиционное языкознание не давало удовлетворительного ответа на данный вопрос¹²⁸.

Однако Рудскогер вносит в теорию Трира две поправки, которые фактически разрушают всякую связь положений Рудскогера с концепцией Трира.

Так, желая обеспечить более детальное понимание того или иного поля понятий (у Рудскогера это понятийная сфера или семантическое поле), Рудскогер уменьшает территорию, покрываемую семантическим полем, разбивая ее на меньшие участки, названные им «понятийными полями» (notion-field). Например, one's own, particular, right, due в «proper» являются различными понятийными полями, принадлежащими к одному семантическому полю (сфере понятий) — полю «отношений» (relation).

Рудскогер, таким образом, только декларирует свою связь с теорией Трира. На деле он оперирует значениями слов, о чем говорит сам довольно определенно: «Понятийное поле... тождественно словарному значению... значение и понятийное поле часто покрывают друг друга более или менее полно и до известной степени могут взаимно подменяться»¹²⁹. В данном случае имеется в виду так называемое объективное значение; наряду с ним в понятийном поле еще существуют и многие субъективные значения. Изменение объективного значения относит слово к другому понятийному полю. Рудскогер пишет: «...я определяю объективное значение как покрывающее полностью понятийное поле, как контрастирующее с другим понятийным полем, в котором слово движется. «Объективное значение» соответствуют «значению», данному в словаре»¹³⁰.

Однако, по мнению Рудскогера, между понятийным полем и значением в традиционном смысле есть некоторые различия: 1) понятийные поля не столь резко разграничены, как значения в словаре; 2) значения слов в словаре, определяемые через синонимы, вполне самостоятельны, а значения в понятийном поле должны рассматриваться в отношении к

Chicago, 1916; B. Weman. Old English Semantic analysis and Theory with Special Reference to Verbs Denoting Locomotion, Lund, 1933.

¹²⁸ A. Rudskogert. Fair, Foul, Nice, Proper. Stockholm, 1952.

¹²⁹ Ibid., p. 12.

¹³⁰ Ibid., p. 21.

другим значениям этого же понятийного поля. Фактически Рудскогер возвращается к отождествлению значения и понятия.

Вторая существенная поправка Рудскогера к трировской теории заключается в утверждении, что при определении значения надо исходить из самого слова, а не из понятийного поля (понятийной сферы у Рудскогера), как делал Трир (см. стр. 13 настоящей работы). По мнению Рудскогера, слово не обязательно остается в пределах одного понятийного поля, как предполагал Трир, а переходит из одного в другое и в связи с этим изменение значений нельзя понимать как перегруппировку внутри того же поля. Резких границ у отдельных понятийных полей нет, так как в результате субъективных вариаций внутри понятийного поля эти понятийные поля могут частично перекрываться. Так, у слова *grorer* есть понятийное поле «*excellent, honest, fit—suitable*»; но, даже пользуясь контекстом, не легко определить место *grorer* в каком-либо ясно ограниченном понятийном поле.

Теоретические предпосылки Рудскогер применяет в практической части своей обстоятельной работы, подробно разбирая четыре прилагательных английского языка (*fair, foul, nice, grorer*) и более поверхностно 24 полисемантических прилагательных на протяжении трех веков (с 1506 по 1800 гг.)¹³¹.

Необходимо сразу отметить, что автора привлекает в основном не проблема взаимодействия этих прилагательных друг с другом, т. е. не вопросы системы в лексике, а анализ семантического объема каждого из них, т. е. система значений одного слова, но не система смысловых отношений ряда слов, хотя в отдельных случаях автор использует и другие слова—синонимы для сопоставления с анализируемыми прилагательными.

Взятые четыре слова автор изучает исходя из детерминативов с учетом синтаксических конструкций. Прилагательные соединяются с определенными, дробными группами слов, ибо Рудскогер полагает, что именно эти детерминативы определяют смысл слова, а не наоборот, что слово вступает в определенные семантические связи благодаря своему значению. Получается, что вне контекста значения слова не существует. Рудскогер явно преувеличивает роль контекста (крайность, обратная заблуждению Трира). Впрочем, на деле автор шел

¹³¹ Каждый век делится на два периода по 50 лет. К этому добавлено исследование тех же слов с 1920 по 1950 г. Внутри каждой из этих шести эпох слова рассматриваются синхронно. Затем, сравнивая периоды между собой, Рудскогер определяет развитие слов диахронно.

от материала¹³², который и показал ему, что его прилагательные соединяются со словами, которые можно объединить в три группы: 1) существительные одушевленные (имена собственные — женского и мужского рода, сверхъестественные существа, имена нарицательные — мужского и женского родов, обоеполые существа, сверхъестественные существа и т. п.); 2) конкретные предметы (части тела, животные, растения, здания, дорога, небесные светила и т. д. — всего 12 групп); 3) абстрактные понятия (погода, температура, ум, характер, случай, надежда и т. д. — всего 12 групп). Анализ дается в этой последовательности по всем шести периодам. Внутри отдельных подгрупп учитываются морфологические и синтаксические конструкции (встречаются имена собственные с артиклем или без артикля; в обращении или нет и т. д.). В конце каждой группы есть сводная таблица, в которой дано процентное содержание значений прилагательных относительно к конкретным словам.

Рассмотрение значений всех взятых прилагательных, выявленных с помощью многочисленных детерминативов, позволило автору ответить на основной теоретический вопрос работы — является ли полисемия причиной утраты значений в слове. По наблюдению автора, полисемия разрушительна, пагубна. Нечеткость, двусмысленность значений является причиной утраты значений в слове; полисемия ни в одном слове полностью не сохраняется, обычно часть значений утрачивается.

Само полисемантическое слово распределяется по нескольким понятийным полям (это положение заставляет задуматься над проблемой единства слова, вызывающей много споров в языкознании). Автор хотя и берет для анализа лексико-семантическую группу слов, но не рассматривает ее за редким исключением как систему, не устанавливает взаимозависимости ее членов. Исследование Рудскогера является своеобразным отголоском теории «семантического поля», но в сущности не имеет ничего общего с ней.

* * *

Понятие системы в лексике и семантике, как мы видели, развивалось и росло на Западе вместе с так называемой тео-

¹³² Весь материал состоит из 142 цитируемых текстов (от 543 до 715 примеров на каждый период из религиозных, драматических и других произведений). По возможности Рудскогер учитывает литературные стили в каждую эпоху

рией семантического поля, охватывающей своим названием часто диаметрально противоположные явления.

В основе этой теории лежит правильная мысль, впервые высказанная русскими филологами, о взаимосвязанности различных семасиологических явлений. При изучении теории семантического поля приходится отмечать большое многообразие трактовок самого понятия семантической системы языка и разнообразие методов ее исследования.

Семантическая система понимается в одних случаях как совокупность понятий, которым соответствуют в языке слова (Трир, Вейсгербер), в других случаях как совокупность самих слов, причем речь может идти о лексико-грамматических (Ипсен), лексико-синтаксических (Порциг, Мюллер), лексико-семантических (Ройнинг, Оксар, Духачек, Найда) группах слов и даже о смысловом объеме отдельных полисемантических слов (Рудскогер).

Выявление системных отношений в лексике происходит различными методами. Одни лингвисты широко используют контекст, привлекая для анализа разные детерминативы (Рудскогер, Оксар, Духачек) или глоссы (Найда); другие обращаются к методу разложения на компоненты (Найда); третьи занимаются сопоставительным исследованием значений слов в двух языках (Ройнинг) и т. п. Иногда методы теоретиков поля (термин берется в его широком употреблении, а не в понимании Трира) применимы или к очень узкой группе слов (Ипсен), или к более или менее устоявшимся сочетаниям двух слов — существительного с глаголом и существительного с прилагательным (Порциг). При анализе полей понятий также нет единообразия в методе исследования.

Поиски методов исследования семантического поля продолжаются, а сама идея необходимости изучения системных отношений слов в языке не вызывает ни у кого сомнения.

В последнее время нередко делаются попытки¹³³ применить к обработке лексического материала метод дистрибуции. Под дистрибуцией обычно понимается совокупность окружений, в которых данный элемент может встречаться, в отличие от окружений, в которых данный элемент встречаться не может. Значения различных слов в группе следует считать взаимосвязанными, общими, если эти слова имеют одинаковую дистрибуцию. При анализе семантической системы той

¹³³ См. Л. М. Беляева. Глаголы движения в английском языке (К вопросу о методах семантического исследования). «Уч. зап. ИМО», вып. 7. Изд-во ИМО, М., 1961, стр. 5—29.

или иной группы слов необходимо выявлять общие значения членов группы, чтобы тем самым фиксировать взаимосвязь и взаимообусловленность всех элементов системы. Этот метод, дополненный методом субституции и трансформационного анализа, что вносит в исследование элемент объективности, в сочетании с традиционным методом, ориентирующимся на контекст, способствует более точному изучению семантической структуры языка.

Наиболее продуктивно применение данного метода в таких лексико-семантических группах, где слова объединены общим понятием, лежащим в их основе, и в «синонимических рядах». Использование, например, дистрибутивного метода при установлении системы семантических отношений в группе глаголов движения русского языка¹³⁴ позволило обнаружить, что одни слова связаны друг с другом непосредственно по смыслу, имея какое-то общее, сходное значение, выявленное через одинаковые (сходные) окружения; другие — опосредствованно. В последнем случае слово приобретает общее значение с каким-то третьим словом, уже связанным с первым некоторым значением, но не с самим этим первым словом.

Внутри типа непосредственных семантических отношений одни слова теснее, другие слабее связаны между собой, составляя определенные подтипы смысловых связей.

Семантическая система не является статической. Смысловые связи подвержены определенным изменениям: они могут прерываться между одними словами, потерявшими общее значение, и, наоборот, возникать между другими, приобретшими сходное значение в силу закономерностей цепного развития значений слов одной группы¹³⁵. В результате этого непосредственные семантические отношения могут превращаться в опосредствованные и наоборот; сами непосредственные взаимосвязи могут испытывать также многочисленные вариации. Обычно все перегруппировки семантических связей между словами происходят в ходе истории, т. е. семантическую систему можно анализировать и синхронно, и диахронно (в последнем случае приходится учитывать не только изменения значений в словах, но и количественное изменение слов в группе, поскольку слова могут переходить из одной группы в другую

¹³⁴ А. И. Кузнецова. О типах смысловых отношений в группе глаголов движения в древнерусском языке. «Вестн. Моск. ун-та», серия VII. Филология, журналистика, 1961, № 1, стр. 34—48.

¹³⁵ См. подробнее об этом: А. И. Кузнецова. Некоторые закономерности изменения значений слов (на материале глаголов движения русского языка). «Русский язык в школе», 1960, № 2, стр. 22—26.

или исчезать и появляться заново в языке). При диахронном анализе системы семантических отношений слов в группе возможно уловить определенные закономерности, установление которых составляет задачу исторической семасиологии.

Краткий обзор методики исследования работ, в которых проводится системное рассмотрение лексики и семантики, убеждает нас в том, что в настоящее время должны быть продолжены старые и предприняты новые поиски наиболее эффективного метода изучения семантической системы языка.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
8	11 сверху	(rusam-	(zusam-
11	7 снизу	Behagel	Behagel
16	7 сверху	uorstanthissi	uorstantnissi
33	19 сверху	Zümmelei	Lümmelei
35	1 снизу	faraunen	farauuen
41	12 сверху	vorsetzten	vorsetzen
44	9 снизу	пух	пух

Зак. 1123а

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Первые опыты системного рассмотрения семантики	7
Методика исследования «понятийных полей» (И. Трир, Л. Вейсгербер и их последователи)	10
Методика исследования лексико-грамматических и лексико-синтаксических групп слов в языке (Г. Ипсен, В. Порциг и др.)	38
Методика анализа лексико-семантических групп слов одного языка в различные исторические периоды (Э. Оксар, О. Духачек и др.)	43
Методика сопоставительного анализа лексико-семантических групп слов в двух языках (К. Ройнинг, Г. Хюстен, П. Цинсли и др.)	48

Ариадна Ивановна Кузнецова

ПОНЯТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И МЕТОДЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Редактор В. Г. Демьянов
Технический редактор Г. И. Георгиева

Сдано в набор 26 X 1962 г. Подписано к печати 19. II 1963 г.
Л-57110 Формат 60×90¹/₁₆ Печ. л. 3,75 Уч.-изд. 3,54
Изд. № 143 Заказ 1128 Тираж 3.650 экз. Цена 21 коп.

Типография Изд-ва МГУ (филиал). Москва, проспект Маркса, 20